

Касаткин Д.М.

ДОМ

12+

Дмитрий Михайлович Касаткин

Дом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51650200

SelfPub; 2020

Аннотация

Рассказ о доме престарелых и его жителях, о неумолимом движении времени.

Содержание

Гость	4
Николай Николаевич	33
Светлана Константиновна	42
Грузчики	45
Михаил Федорович	76
На пороге	85

Гость

Напоминающая контурную карту обшарпанная кирпичная стена, паутина голых веток, сугробы, слабые огни фонарей вдалеке и кружащийся над землей холод зимы. На потрескавшейся штукатурке, которой была покрыта стена, кто-то нацарапал слово – дом. Забавно.

Волею судеб, довелось мне работать в доме престарелых. И в течение полутора лет мне было суждено сродниться с этим тихим и печальным местом.

Может возникнуть вопрос: каким образом я оказался в данном месте. Ответ до неприличия прост. Я учился на заочном отделении агроинженерного института. Моя специализация, в данном рассказе, не имеет особого значения, как, собственно, она не будет иметь значения и в моей жизни. Как и у большинства заочников, у меня было много свободного времени. Усердно работать и искать пути дальнейшего укрепления и углубления жизненных корней я не торопился. Так уж вышло, что рос я жутким прокастинатором. Само знание обозначения этого и других мудреных слов вселяло в меня уверенность, что я интеллигент, а интеллигент-прокостинатор – это уже буржуа. По крайней мере, я так полагал. В свою очередь, домочадцы были крайне обеспокоены тем, что я постоянно шлялся без дела, донимал их своим нытьем сводившимся в основном к тезису – а посмотрите, как живут

другие. В какой-то момент отец не выдержал и сказал:

– Если ты сам ничего не захочешь, то к тебе ничего и не придет.

Скорее всего дело тут было совсем не в том, что мысль материальна, хотя, я изначально подумал именно про это, а в том, что необходимо двигаться к себе взрослому, а не ждать беспричинного прихода взросления. Но, отец не любил вдаваться в подробности и ограничился лишь этим кратким высказыванием. А я, как самопровозглашенный интеллигент, пустился в долгие раздумья глубоко экзистенциального характера. После нашего одностороннего разговора прошло около двух недель и тут отец решил порадовать меня приятной новостью.

– Серега, я нашел тебе работу. Все, как ты любишь.

– Что за работа?

И тогда отец мне все поведал. Он рассказал мне о доме, где живут пожилые люди, как они туда попадают, о том, какая помощь может им потребоваться. Отец считал – я идеально подхожу для данной работы. Специальности у меня еще не было, особого желания строить карьеру тоже, а там, как раз, нужны были рабочие руки. Также, по чистой случайности, мой отец был знаком с директором этого прекрасного заведения. Но, думаю, эти дружеские отношения играли последнюю роль в моем трудоустройстве. Разве можно такое подумать? Никогда. Отец понимал – я всеми силами буду сопротивляться и сразу обрисовал мне возможные альтернати-

вы: либо я устраиваюсь работать в дом престарелых, либо я переезжаю жить от родителей к своей девушке и, более, ноги моей в их доме не будет. Так как со своей девушкой я уже как три месяца расстался – выбор был достаточно очевиден. Так я оказался здесь.

Добраться до требуемого места оказалось непростой задачей. Таксист не сразу разобрался – куда сворачивать и привез меня к каким-то баням. Как назло, названий улиц на домах не было. Навигатор предательски твердил – сверните направо. Таксист, используя для выражения своих эмоций всю глубину и красочность народного фольклора, таки свернул направо. Через минуту оказалось, что мы заехали в тупик. Навигатор показывал ему совсем другую топографию, нежели та, которую мы видели вокруг. Ни он, ни я не были в этих краях. Он остановился и решил спросить у проходящего мужчины дорогу. Тот совершил несколько размашистых движений руками, что-то сказал таксисту, таксист покивал и они разошлись. Как ни странно, но, руководствуясь импровизированной картой дороги к требуемому местоположению, мы через десять минут благополучно приехали туда. Таксист не стал брать с меня деньги за время поисков и на данной мажорной ноте мы расстались.

Геронтологический центр находился примерно в километре от оживленного города. Из его окон можно было увидеть многочисленные яркие всполохи городских окраин. Прежде всего, в глаза бросалось огромное количество дере-

вьев, которые со всех сторон закрывали двухэтажное, здание. Раскидистые ветви будто укрывали живущих здесь стариков от внешней суеты. Должно быть летом здесь все утопает в зелени. По обеим сторонам вымощенной кирпичом дорожки были клумбы. Посетителей, яркой открыткой, встречал плакат советских времен "Расти для счастья и мира".

Для временного проживания мне выделили небольшую каморку в отдалении от общих жилых площадей. По совместительству – данная каморка выполняла роль хозяйственной комнаты. Там хранились все инструменты и некоторая часть хозяйственного инвентаря. Комната была вытянутой формы. По обеим сторонам помещения располагались многоярусные стеллажи, на которых, собственно и лежали: инструмент, drankа, коробочки с гвоздями, саморезами, сантехническими принадлежностями, проводами, деревянные чурки и многое другое. В глубине комнаты, перпендикулярно стеллажам, стоял небольшой столик, за ним располагалась кровать. Места было мало. От каждого плеча до стеллажа было сантиметров по тридцать. Чтобы добраться до кровати, нужно было протискиваться между столиком и стеллажом. Окно было на уровне груди. Я медленно вошел в свою новую обитель и сел на кровать. Да уж – попал. Чувство неизвестности перемежалось с чувством легкого страха перед этим местом. Было не ясно, что я буду делать здесь и, вместе с этим, я уже побаивался этого, будто погруженного в пучину забвения, места. Что делать – надо обживаться и

ждать, пока в моей голове сформируется нейронная карта этого места, что несомненно даст некое успокоение. Я огляделся по сторонам: выкрашенные стены, одиноко висящая лампочка на потолке, бетонный пол, огрызок коврика перед кроватью, обшарпанный стол и ощущение безжизненности помещения. То место, где живут люди, это не просто стены, не просто пол и потолок, это сотни и тысячи примет. Примет, которые возникают в процессе их жизни в данном месте, которые въедаются в плоть сознания. Эти приметы и создают понятие – дом. Это пятно на обоях не просто пятно – а история, эта матовая плитка в ванной не просто плитка – а результат долгих споров домочадцев, красивые часы на стене, которые вечно стоят, это также часть судьбы дома. Что ж – придется создать эти приметы здесь. Пусть это и временное место моего пребывания. В ящике стола не было ничего, кроме старинного журнала "Техника молодежи". Я посмотрел на обложку. 1984 год – четвертый выпуск, Юрий Гагарин, космос, все дела. Над фуражкой героя кто-то ручкой выписал слова "Жизнь не зрелище, а серьезное..." последнее слово, на фоне неизвестной планеты, было не разобрать.

В первый же день меня загрузили работой. Особой квалификации работа не требовала. Передвинь, принеси, перевесь, помоги дойти, помоги подняться. Должно быть, до моего прихода, обслуживающему персоналу, который состоял преимущественно из представительниц женского пола, приходилось тяжело и теперь всю физическую работу перевеси-

ли на меня. Не все старики могли уверенно ходить. Колясочников приходилось переносить. Посадить больного человека на коляску было довольно тривиальной задачей. Хорошо – если старик еще мог держаться на ногах, тогда нужно было лишь помочь ему встать и, пока он держится за спинку кровати, подвезти под него коляску. Гораздо сложнее было с теми, кто совсем не ходит или не может стоять. В таких случаях – в полусогнутом положении старика нужно было брать под мышки, скрещивая руки у него за спиной, он же, в свою очередь, обнимал тебя за шею и ты медленно вставал. Затем, нужно было несколько развернуться в сторону коляски, старик в данные несколько секунд, практически полностью висел на тебе, ты же мужественно ждал – когда коляску заведут под него и он сможет сесть. Уверен – были и другие способы, но я привык к такому. Было видно, что старикам уже опостылело это грузное беспомощное тело, которое продолжало сохранять жизнь. Просто существование белковых тел, немногим более. Мозг уже, в полной мере, не мог управлять ослабшими членами. Это вечное противостояние плоти и разума. Что первично? С годами я нашел для себя ответ. Но, боюсь, он никого не обрадует. В коляске старики чувствовали себя гораздо увереннее, они обретали хоть какой-то контроль над пространством. Должно быть где-то в чертогах их разума звучал хриплый голос – напевающий: "А мне летать, а мне летать охота".

На следующий день меня позвали помочь помыть одного

из стариков колясочников. Звали его Николай. Мы вывезли его из комнаты и отправились в ванную комнату. Пока мы его транспортировали, он все время оборачивался на меня и будто присматривался. Когда я, в ответ, переводил взгляд на него – он морщился, выпячивал нижнюю губу и лукаво улыбался. Ванная комната была совершенно обычной, разве что в углу стояла небольшая деревянная ступенька, для того, чтобы пожилым людям легче было забраться в ванную и к стене, по всей ее длине, был прикручен поручень. Я, Мария, так звали сотрудницу дома, и старик на коляске с трудом располагались на небольшой площади перед ванной. Мария предусмотрительно принесла табурет. Пока я держал старика, она выкатила коляску из ванной и мы посадили его на табурет. Тяжело дыша, я растеряно посмотрел на медсестру.

– А как дальше?

Она пожала плечами.

– Как получится. У вас руки сильные?

Руки у меня были слабыми. Но, признаться я в этом упорно не хотел.

– Не жалуюсь.

– Тогда давайте так: вы возьмете его сзади, поднимете, я перекину его ноги в ванную а затем мы его посадим.

Я обошел старика, но, как только я взялся за него, Мария покачала головой.

– Нет, не так. Встаньте одной ногой в ванную и немного подсядьте под него.

Я неуклюже выполнил ее указания. Она снова покачала головой. Но, уже не стала ничего корректировать.

– Поднимайте.

Я собрался с силами и начал поднимать старика, положение было не самое удобное, да и груз был довольно увесистый, но выбора не было. Николай кряхтел, ругался, но не сопротивлялся. Пока я, на дрожащих ногах, держал старика Мария перекинула сначала одну, потом вторую ногу, посадили на облучок ванны, с большим трудом смогли усадить в саму ванну. Когда я наклонился к нему, чтобы снять с него майку он взял меня за руку.

– Володька, ты давай вставай на ноги. Держись, Тоня к тебе уже не вернется. Отпусти ее. Я скоро помру, а мой дом останется тебе. Живи в нем. Дом хороший – крепкий. Пусть ему уже много лет, но строил я его на совесть, вот этими руками строил. Где требуется – просмолил, где нужно – зацементировал, все выровнял, все укрепил. У всех моих сверстников дома уже где прохудились, где покосились, а мой стоит как новенький. Может, где краска и пооблупилась, но это ничего.

Я, удивленно, несколько отстранился от старика. Затем, не зная, что сделать или сказать, посмотрел на Марию. Она, вздохнув, приблизилась ко мне. Наклонившись к моему уху она шепотом сказала:

– Не спорьте с ним. Пусть он продолжает думать, что вы Володька. Так будет легче.

Да, действительно, пусть будет так. Другой мир мы ему уже не сможем придумать. Может этот Володька уже давно целует небеса, а крепкий дом, оплот семьи, сторел. Может – все уже умерло, но продолжает жить в голове у Николая. В конце концов, разве безумие не есть спасение.

Я, как можно более естественно, улыбнулся и взял за руку деда.

– Конечно дедушка. Все будет хорошо. Я простил Антонину. Вот, посмотри, я даже нашел себе невесту.

Я подошел к Марии и обнял ее. Она осталась стоять с серьезным лицом, но мою руку не стала сбрасывать. Старик обрадовался, но недоверчиво спросил:

– А как вы познакомились?

Мария подошла к старику.

– Володя тебе обо всем позже расскажет. Сейчас нам надо тебя искупать. Ведь ты давно не мылся. Сможешь сам снять с себя майку?

Старик отказался от помощи и долго кряхтел, пытаясь стащить одежду. Наконец, это у него получилось. Снять исподнее уже пришлось помогать нам.

Все было готово. Старик сидел в ванной полностью голый. Тщедушное, морщинистое тело, на спине и руках частые, маленькие седые волосики – будто пух, торчащая во все стороны борода, частый пигмент на коже. Морщин не было лишь на старческом пузе. Оно было, до неприличия, гладким. Мария сказала, что я могу идти, она позовет меня. Я вышел. За

дверью меня уже ждала повариха, вопреки расхожему мнению, довольно сублильная женщина.

– Привезли картошку. Поможете сгрузить на склад?

Куда деваться... Будем таскать картошку. А где-то в Крыму девушка в розговом сарафане...

– Пойдемте.

Мешки с картошкой совсем не то что мешки с сахаром – вес не тот, зато грязи больше. Таскать их каким либо иным способом, кроме как прижавши к телу, неудобно. Пришлось около получаса обниматься с мешками. Переноса десятый мешок я с досадой подумал: "Они, что здесь одну картошку едят?" Мешки кончились, повариха кивнула мне в знак благодарности и ушла. Надо было возвращаться к Марии. Как оказалось, она ждала меня уже несколько минут. Погрузили в коляску, помогли одеться и вывезли, уже благоухающего фиалками, старика в коридор. Мария посмотрела на часы.

– Скоро обед. У нас есть лежачие старики. Надо будет их покормить. Раньше мы занимались этим со Светой, теперь будем втроем. Пойдемте – я покажу вашего подопечного на сегодня. Пойдете в столовую и скажете, что вам нужна порция для Ярослава Кирилловича. Он перенес обширный инсульт, к сожалению, сильно пострадало правое полушарие мозга. Левая рука практически полностью парализована, правая рука сохраняет двигательную активность, но пока очень слабая. Его недавно выписали из стационара, врачи прогнозируют возможное частичное восстановление, ес-

ли оно вообще наступит, через год или в районе того. Пока он совсем беспомощен.

Я угрюмо направился в столовую, произнеся кодовые слова, я получил требуемую порцию пищи. Идти кормить старика совсем не хотелось, но каждая минута промедления приближала обед к состоянию полного остывания и долго ждать было нельзя.

Комната, где находился мой подопечный, была рядом с постом. Я вошел, – светло и тихо. На койке, рядом с окном, лежал Ярослав Кириллович. В его, накрытом простыней по грудь, облике слабо читались человеческие черты. Скорее он был похож на зомби. Но и "зомби" тоже хотят есть и, наверняка, хотят жить.

– Здравствуйте. Меня прислали вас покормить.

Он громко замычал и заерзал на кровати, кивая мне головой. Я посмотрел на его правую руку – она осуществляла движения, будто что-то смахивала с кровати. Это он так демонстрирует, что не хочет есть? Я присел рядом со стариком и поставил поднос с едой на тумбочку. Он страдальчески посмотрел на меня, надрывно замычал и отвернул голову. Твою мать – послали кормить инвалида того, кто никогда с этим не сталкивался. Что же делать?

– Надо есть, так восстановление пойдет быстрее.

Старик оставался недвижим. Лишь его дрожащее дыхание, передающее простыне легкие сейсмические возмущения, говорило о том, что он все слышит и, возможно, осо-

знает. Я решил, что для более четкого контакта между нами его нужно усадить. Но, как только я потянулся к нему со словами – давайте сядем поудобнее, он замотал головой и, как мне показалось, даже хотел ударить меня правой рукой, но она была слишком слаба и отчаянный импульс угас быстрее, чем он успел занести руку для удара. Я снова сел на стул.

– Вы хотите чтобы я ушел?

Сначала он находился недвижим, потом резко кивнул.

– Вы отказываетесь есть?

Он снова кивнул и глубоко задышал.

Сквозь его несвязное мычание я разобрал страдальческое – уйди.

Я вышел из комнаты и отправился к Марии. Она как раз находилась в соседней комнате.

– Он отказывается есть.

Мария обернулась ко мне и покачала головой.

– Плохо. Как его привезли, он ничего не ест. Не думаю, что у него нарушен глотательный рефлекс, он просто не хочет. Ладно, сейчас я принесу зонд, буду кормить его через шприц.

– Как это?

– Очень просто. В носовой проход больного вводится катетер, он проходит через носоглотку и пищевод в желудок. Зонд соединяется с большим шприцем, который предварительно наполняется питательными веществами. Главное, чтобы он не сопротивлялся. Пойдете со мной и, при необхо-

димости, будете его держать.

– Это необходимая мера?

– Конечно, он должен поесть любым способом. В данном случае, его желание не имеет значения. Мы не можем допустить, чтобы пациент умер от истощения.

Судя по всему, он вовсе и не... Нет уж, кормить через трубку!

– Я пойду к нему и попытаюсь накормить его привычным способом.

– Уверены?

– Да, уверен.

– Попробуйте.

Снова палата с одиноко лежащим под простыней стариком. Я взял стул и поставил его подле кровати.

– Это снова я. Давайте поговорим с вами. Все равно делать больше нечего. Я понимаю, что вам тяжело разговаривать, тогда давайте договоримся об условных обозначениях, я буду задавать вам вопросы – один хлопок по кровати это да, два хлопка это нет. Договорились?

Ярослав Кириллович не отвечал и не производил никаких движений.

– Ладно вам, что вы надулись как пузырь? Я же не отстану. Ноль реакции.

– Тогда я сам расскажу вам о себе, чтобы вам было легче со мной сблизиться.

Ярослав Кириллович, насколько ему позволяли текущие

мимические возможности, сделал скептическое лицо. Не верит, что начну ему рассказывать о себе. Это было бы, как минимум, глупо, своего рода абсурд. А чем абсурд не выход из ситуации? И вот я начал. Сначала детство, с его трудностями, беззаботным и чистым взглядом на мир, потом отрочество с его сложными проблемами причастности, затем период активного пубертатного развития с его пульсирующим тестостероном. Кажется, я рассказал старику практически все веселые, глупые или абсурдные истории, которые со мной происходили. Во время повествования я, как актер играющий в моноспектакле изображал все произошедшее с различных точек зрения и от лица множества участников действия. Меня надо было видеть: то я изображаю грозного учителя, который не хочет ставить мне тройку в четверти и отчитывает меня при всем классе, то нерадивого химика Пашку, который решил поэкспериментировать с горючими веществами с сжег себе все волосы на лице вместе с бровями а потом решил скрыть все это маркером, то нашего паренька со двора, который разбил автомобиль своего брата и свалил всю вину на нас с другом. По мере своих актерских возможностей я изображал, как его брат в одних носках бежит за нами по двору и размахивает рулевым колесом. Вот я уже дошел до первого сексуального опыта, но тут в комнату заглянула Мария.

- У вас все нормально?
- Да, все под контролем.

Она подозвала меня к себе.

– Вы сказали, что попробуете его накормить, а не будете разыгрывать перед ним глупые водевили.

– Дайте мне еще немного времени.

– Через пять минут я подойду.

Я снова сел подле Ярослава Кирилловича. После скомканного вступления необходимо было переходить к сути всего моего представления. Речь я уже придумал.

– Теперь, когда вы знаете обо мне уже значительно больше, мы можем откровенно поговорить. Существует расхожее мнение, что выбор есть всегда. И у вас он действительно есть. Либо вы будете принимать пищу добровольно, либо вас будут кормить через катетер. Но, по сути, исход один, только ваше внутреннее состояние будет разным. Насильное кормление через катетер, я полагаю, только ухудшит ваше психическое состояние, но у вас есть возможность это избежать. Что случится далее – это уже не наша забота.

Хорошо я завернул. При слове – катетер старик округлил глаза и застонал. Я решил повторить вопрос.

– Вы готовы попробовать поесть?

Как и прежде – молчание.

– Вы попробуете поесть?

Одиночный хлопок по кровати – победа! Как оказалось, глотательный рефлекс не нарушен.

После сумбурного второго трудового дня я сидел на подоконнике и водил пальцем по стеклу, пытаюсь осмыслить

происходящее. Не успел я запустить руку в пучину рефлексии, как услышал крик. Я выбежал в коридор. В одной из комнат открылась дверь. Снова раздался крик о помощи. За дверью меня ждала невеселая картина. Старушка лежала на полу с разбитой головой, рядом валялась ее клюка. Ее подруга причитала: "О господи, Ольга, – как же ты так"? Я молча стоял и не знал, что делать. Старушка подняла испуганные глаза на меня.

– Помогите, господи, помогите!

Видимо, когда старушка падала – она ударилась головой о спинку кровати. Было много крови и она продолжала течь, образуя на полу багровый материк. Я сорвал с кровати наволочку, нагнулся к старушке, осторожно поднял ее голову и подложил сложенную ткань под нее. Кровь скопилась на полу с правой стороны от головы, очевидно, что удар пришелся в затылочную область именно с правой стороны. Я, как можно аккуратнее, но, тем не менее, сильно прижал наволочку к ране, стараясь не шевелить головы.

– Зовите Марию!

Больше я никого не знал из персонала. Старушка убежала. Я продолжал прижимать уже полностью вымокшую в крови наволочку к голове. Мозг лихорадочно воспроизводил все возможные отсылки к информации о первой помощи при черепно-мозговых травмах. Тем не менее, руководствуясь скорее не памятью, а интуицией, я решил перевернуть пострадавшую на бок, противоположный месту удара. Так как при-

жимать к ране наволочку теперь стало неудобно – я схватил полотенце, висевшее на стуле, и приложил его. Старушка, приходя в себя, застонала. Я громко спросил: " Вы меня слышите"? В ответ раздался лишь стон.

– Не теряйте сознание, старайтесь концентрироваться на моем голосе. Сейчас придет помощь.

Не знаю почему, но я не придумал ничего лучше, как просто громко повторять данные слова в различных комбинациях.

– Сейчас помощь придет, помощь скоро придет, они уже идут, я послал за ними.

Я совсем потерял счет времени и счет тому – сколько раз я произнес слово помощь, когда в комнату вбежал штатный дежурный врач и Мария. Он склонился к старушке.

– Давно она лежит?

– Не знаю, я прибежал на крик, думаю не так давно.

Он взял меня за плече.

– Все парень, спасибо, ты можешь идти, дальше мы сами.

Но, я не слышал его, и продолжал прижимать полотенце к ране. После того, как мое внимание на несколько секунд отвлекло прибытие той самой помощи, которую я так ждал, оно снова переключилось на окровавленное полотенце. Тогда врач, чтобы вывести меня из состояния аффекта, сильно сжал мне пальцами мочку уха.

– Все парень иди, спасибо.

Я убрал дрожащую руку с полотенца и медленно встал.

– Только вы продолжайте с ней говорить, чтобы она не потеряла сознание.

Врач, с легким пренебрежением, посмотрел на меня. Я, неуверенно направляясь к двери, продолжал сбивчиво громким голосом повторять:

– Вы говорите с ней, говорите, ведь надо говорить – обязательно!

Врач молчал. Он лишь ощупывал голову старушки и осматривал обширное кровавое пятно на полу. Я растеряно посмотрел на Марию.

– Ведь надо говорить?

Она жестом показала, что все будет нормально и склонилась к пострадавшей. Лишь когда она заговорила с ней я вышел из комнаты. За распахнутой дверью стояла подруга пострадавшей и испуганно смотрела на происходящее. Я молча прошел мимо. Руки дрожали, на лбу выступила испарина. Вытерев лоб тыльной стороной ладони я осознал, что она вся в крови. Туалет был как раз по пути. Я подошел к умывальнику, открыл кран и подставил ладони под сильную струю воды. Прямо как в фильмах: герой смывает с рук следы преступления. За дверью меня уже ждет мой напарник, который окажется предателем. Я уже знаю его тайну, но дам ему шанс на признание и, повернувшись к нему спиной, наблюдая за вороном, сидящим на ветке за окном, буду медленно говорить ему о том, что я не осуждаю его поступка и готов принять любое его решение. И, когда он приставит мне пистолет

к виску я буду мужественно молчать, буду молчать...

В коморке темно, тихо и прохладно. Я закрыл дверь. Там за стенами медперсонал пытается привести старушку в чувства, а здесь все спокойно, равновесие нарушает лишь мое сбивчивое дыхание. Вот это поворот! Второй день и уже такое. Я лег на кровать. Не знаю, во сколько мне удалось уснуть, но спал я крепко – без снов.

Как не тяжело подчас бремя прожитого дня, наступает день новый и несет тебе следующие испытания и открытия. Проснулся я в районе десяти часов. Нужно было одеваться и идти на пост за новыми заданиями. До сих пор не могу себе объяснить: почему я сам выходил навстречу трудовому дню, а не ждал когда меня позовут и дадут мне работу. Может, из чувства страха ожидания? Мне легче было самому встретить все препятствия и тяготы грядущего дня, нежели смиренно ожидать их неумолимого пришествия. В данном вопросе проявление моей полусонной самости менее подходило под общепринятое понятие – буржуа. В конечном итоге, это всего лишь стереотип. Я подошел к посту, там никого не было. Тогда я направился в дежурный кабинет. Там меня также ожидала пустота. Пока я стоял и думал – куда направиться, ко мне подошел забавный старик довольно пухлого телосложения, с большой залысиной и причудливо торчащими по бокам головы волосами, будто коту на холке и за ушами взъерошили шерсть и она торчала во все стороны. Сначала я не придал его присутствию особого значения и продол-

жал молча стоять. Но, когда я украдкой решил посмотреть на него, я понял, что он пристально уставился в мою сторону.

– Как оно?

Я повернулся к нему.

– Потихоньку.

– Есть прикурить?

– Нет, не курю.

– Спортсмен что ли?

– Нет.

Он, вытянув губы трубочкой, удивился.

– Как это, не спортсмен и не куришь? Надо начать.

– Не тянет.

Он покачал головой.

– Не видел тут кота? Я потерял его. Уже третий день не является. Вроде не весна. Яйца бы ему отрезать, чтоб не гулял. Да все жалко.

– Нет, кота не видел. А разве здесь есть домашние животные?

Он насупился.

– А как же. Мало того, по секрету тебе скажу, и чертей здесь хоть отбавляй.

Пока я переваривал его словесный пассаж, к нам подошла Мария.

– Ладно Борис Герасимович иди к себе, сейчас таблеточки принесут, а нам работать надо.

Борис Герасимович хмыкнул и дважды пожал плечами, но

отвечать ничего не стал. Когда старик ушел, Мария обратилась ко мне:

– Это Борис Герасимович. С ним лучше общаться осторожнее: лишнего не говори, старайся сильно ему не перечить, а лучше, по возможности, избегать беседы с ним. Твои задачи на сегодня: сводить стариков в туалет, вымыть пол в коридоре, забрать простыни из стирки и развесить их, прочистить дорожки от снега и, кажется, все.

Да, неплохо для третьего дня.

– А задания будете давать мне вы?

– Отчасти я, потом придет Тамара Юсуфовна и даст тебе задания по хозяйственной части.

Тамара Юсуфовна – забавно.

– Как быть с походом в туалет?

– Стучишься, заходишь в каждую комнату, спрашиваешь – кому требуется помощь дойти до туалета и далее по схеме.

Когда Мария меня покинула, сзади ко мне подошла старушка со словами:

– Это Борька, местный сумасшедший. Все кота ищет. И откуда он его взял? Отродясь никакой живности не было...

– А вы его знаете?

– А как же, главный бухгалтер нашей швейной фабрики.

Тридцать лет на посту.

– Как же он сюда попал, вроде должность серьезная, наверняка и в финансовом плане проблем нет?

Старушка смутилась.

– А я почему знаю, свечку не держала, кто их сумасшедших разберет?

На этом наш краткий диалог закончился и начался мой трудовой день. Грязный пол, простыни, снег – просто мякотка. Самое интересное, что меня никто не контролировал. У Марии было и без того полно дел. Остальной персонал контактировал со мной крайне фрагментарно. Тем не менее, желание схалтурить преследовало меня лишь только в течение первой недели. Когда я смотрел на стариков, на их сгорбленные спины, на трясущиеся руки, на впавшие глазницы, на их ледяное одиночество – моя, еще не повзрослевшая, совесть открывала в глубинах сознания невиданные мной доселе высоты перфекционизма.

С каждым новым днем скомканные отстраненные образы старческой жизни становились для меня все более явственными. Вот я вижу огромную кирпичную стену белого цвета, она простирается за границы моего поля зрения, как с правой, так и с левой стороны. Рельеф стены практически отсутствует, либо мое зрение слишком ослеплено белизной. Всего лишь белая плоскость расчерченная черными линиями, но я знаю – это стена. Может быть потому, что я видел похожую текстуру на обложке одного известного музыкального альбома. Откуда-то сверху мне слышится назойливый стук. С каждым стуком на безупречно белой поверхности начинает проступать багровое лицо кричащего человека, с раздутыми ноздрями. Он боязливо косится в левую сторону и беззвучно

кричит. Словно в триумфальную арку я захожу в пугающую багровость. Стук выдергивает меня из сна. На часах 2:30 – глубокая ночь. Стук сопровождается громким криком.

– Света! Света!, – доносилось из коридора.

Толком не успев сориентироваться – где включается свет, я попытался взглянуть во тьму. Звук доносился из под лестницы. Насколько я успел понять – там находилась бойлерная. У двери стояла сгорбленная старушка и стучала, громко выкрикивая имя.

– Света! Света! Открывай!.

– Здравствуйте. Что у вас случилось?

Старушка будто не обращала на меня внимание и продолжала барабанить по двери.

Я подошел ближе.

– Что у вас случилось?

Старушка поспешно повернулась в мою сторону и, размахивая руками, стала тараторить:

– Молодой человек, как хорошо, что вы здесь. Мы гуляли со Светой, а затем она убежала от меня и спряталась здесь. Время уже за полночь, а она закрылась и не хочет домой идти. Помогите мне – откройте дверь, а я уже ее отчитаю, будьте уверены! Пусть знает – как от меня прятаться.

Я посмотрел сначала на бабушку, потом на дверь – на двери был амбарный замок.

– Дверь закрыта снаружи, там никто не может запереться.

– Нет, молодой человек, зачем вы меня обманываете? Я

знаю, что она там и спрячется от меня.

Опираясь на свой опыт общения с колясочником Николаем, – я понял: скорее всего старушка не в себе. Пока я стоял и размышлял о том как поступить в данной ситуации, она махнула не меня рукой и продолжила тарабанить в дверь.

– Вы зря стучите. Светланы здесь нет, она уже дома. Вы просто разминулись с ней и вам показалось, что кто-то забежал сюда, но здесь никого нет.

– А ты откуда знаешь дома она или нет? – возмутилась старушка, – больно ты подозрительный.

– Я друг Светланы, мы встретились с ней по дороге и она сказала, чтобы я передал вам – она идет домой.

Старушка нахмурила брови и притихла. Затем, будто задавая вопрос самой себе, сказала:

– Как же она оставила меня ничего не сказав... Взрослая девочка – а ведет себя как маленькая.

– Она просила прощения, но сказала, что торопится.

– Куда же она так торопилась? – засопела старушка.

– Не знаю.

Вдруг старушка закрыла лицо руками и зарыдала.

– А если с ней что-нибудь случится. Что я скажу родителям? Такая темень, хоть глаз выколи, а ведь ей идти через дворы, а там собаки.

– Не переживайте, с ней все будет хорошо. Пойдемте со мной.

Старушка растеряно посмотрела сначала на меня, потом

на дверь.

– Куда же я с вами пойду?

– Я провожу вас к выходу.

Кажется, старушка совсем пала духом и молча повиновалась. Пока мы шли она, без умолку, говорила.

– Знаете, какая Светлана доверчивая? Я ей говорю – зачем ты знакомишься на улице? Не известно, что у них на уме. Знакомство надо искать в более пристойных местах. А она меня не слушает. А я ведь больше знаю, – я жизнь прожила. Люди не такие добренькие, как кажутся. Только поверишь ему и все, – он уже начинает тебя использовать!

Наконец мы пришли на пост. Там нас встретила дежурная сестра. Взглянув на мою укоризненную ухмылку, направленную в сторону старушки, она все поняла.

– Анастасия Григорьевна, что же вы разгулялись? Пойдемте со мной.

Так наше короткое знакомство закончилось. Как оказалось – ночь в доме не всегда время умиротворения и покоя. То в одной, то в другой палате раздавались стоны. Все затаившиеся, дремавшие недуги ночью выбирались из своих нор и начинали пить кровь из своих несчастных носителей. Находясь в отдалении от жилых помещений я не слышал этого. Двери комнат были закрыты и я по звуку мог лишь догадываться что происходит за ними. Он кратковременно вспыхивал, озаряя ярким пламенем мое воспаленное воображение, и снова скрывался. Признаюсь, лучше бы я никогда не слы-

шал этого. За спиной хлопнула дверь и появилась дежурная сестра с медицинским лотком в руках. В лотке была пара шприцов, спирт и белоснежные хлопья ваты. Я поплелся в свой угол.

Был вечер пятницы и все начали собираться в общем зале. Каждый приносил с собой собственный стул. Тем, кому было тяжело, приносили стул за них. Я часто помогал немощным старикам и они, в свою очередь, благодарили меня, будто я сделал для них, что-то значительное, что-то очень важное в их жизни. Хотя, данные пятничные собрания были действительно очень важны для них. По пятницам они собирались вместе и пели песни. Кто какие помнил: песни военных лет, песни известных композиторов, бардовские песни.

Старики, за жизнью которых я наблюдал, были оставлены всеми. Да, многие имели родственников и близких, но они были далеко и случаи, чтобы кто-то из них наведывался попроведать пожилого человека были очень редки. Коллектив был дружный. Каждый знал практически все о каждом. Когда шлейф прошлого несоизмеримо длиннее, чем дорога будущего – жизнь приобретает, неведомый нам молодым, оттенок. Что бы ни происходило вокруг – каждый из постояльцев дома престарелых занимался своим делом. Многие из представительниц женского пола ухаживали за садом, старики мастерили из глины различные фигурки, занимались резьбой по дереву, некоторые занимались живописью, некоторые музыкой. Те, кто не нашел себя в творчестве или ремеслен-

ничестве, также старались максимально оправдать свое сердцебиение всеми возможными видами пассивного досуга. В доме был даже свой мастер Богородской резьбы. Звали его Федор.

Однажды я пришел в его комнату, чтобы заменить перегоревшую лампочку. Он, как всегда, что-то мастерил. Все его руки были в шрамах и мозолях. Казалось – на них не было живого места. Время тоже умеет рисовать и его холст – это человек. За каждым шрамом стояла его долгая и трудная жизнь. Иногда руки человека говорят больше, чем что-либо иное в его образе. Грубое, непривлекательное и неказистое превращается в судьбу, превращается в вехи человеческой жизни, которые, впрочем, исчезнут навсегда. Этими руками старик сжимал долото и тщательно выводил узоры на безмолвном куске. Он скрупулезно подбирал размер у, днем ранее, выдолбленной древесной чурки головы древнерусского воина. До каких то пор казалось, что старческие морщинистые руки просто оставляют бессмысленные зарубки на древесном полотне, но пара совершенно незначительных штрихов связывали всю картину воедино. Федор, всегда говорил, что у него уже есть образ будущего, но ему до последнего момента хочется жить надеждой на то, что его произведение соответствует тому образу, который он представил у себя в сознании и поздняя неопределенность заставляет его думать о том, что работа все еще может ответить в полной мере его ожиданиям. Результатами своей работы он никогда не был

удовлетворен и очень огорчился по этому поводу. Он был большой знаток искусства и мог часами разговаривать о поэзии, живописи и прочих проявлениях человеческого духа. К сожалению, я слишком мало слушал его. В другой раз, когда я зашел к нему, в его руках была маска, чем то напоминавшая атрибутику индейцев, хотя была гораздо более похожа на человека и не представляла из себя карикатуру. Я заметил, что старик тихо, тихо говорит про себя. Он чуть шевелил губами. Секунду спустя, заметив мой взгляд, он улыбнулся. Я почувствовал некоторую неловкость и опустил глаза.

– Молодой человек, хотите я сделаю вам подарок?

– Давайте.

Он полез в нагрудный карман и достал от туда маленькую деревянную фигурку.

– Это одна из первых фигурок, которые я сделал. Это палисандр.

В тот момент я подумал, что старик дал имя фигурке. Теперь я знаю, что это сорт дерева. Я не стал долго рассматривать фигурку и положил ее в карман. Мне стало неудобно. Старик молчал. Тогда как я уже настроился на слезливую историю о том, сколь много в его жизни значит эта нелепица. Но он молчал. Я вышел. Больше он так ничего мне и не сказал по поводу этой фигурки.

Как вы можете себе представить – дни в таких заведениях похожи друг на друга. Если в обычной жизни, если такая

вообще существует, мы прячем похоть и монотонность дней за нашими целями, стремлениями, нелепыми надеждами, то здесь всего этого не существовало. Зато существовала дисциплина и режим. Был определенный распорядок дня. Наверняка он был одним из главенствующих факторов, не позволяющих пожилым людям впасть в уныние. Для меня же все это было сущим адом. Я никак не мог понять – как так можно жить? Как со всем этим мириться? И находить в себе силы заниматься делами, протирать пыль, читать газеты, садить цветы, беспокоиться о совершенно незначительных мелочах. У каждого из постояльцев в комнате был идеальный порядок. Каждый сам убирал за собой и всячески поддерживал и без того приличную чистоту.

К моему большому удивлению – телевизор практически никто не смотрел. У каждого постояльца в комнате стоял, пусть небольшой, но вполне рабочий агрегат. Возможно, я просто не обращал на это внимание.

Николай Николаевич

Николай Николаевич был ветераном великой отечественной войны. Пожалуй, он был самым великовозрастным постояльцем данного заведения. Так случилось, что всех своих детей он пережил, а внуки не питали большого желания жить в одном помещении с пожилым человеком. И, однажды, между членами семьи состоялся разговор о большом желании молодых пожить отдельно. Дескать, они не могут обеспечить должное внимание за пожилым человеком и гораздо лучше ему будет находиться в специализированном учреждении, где за ним будет вестись постоянное наблюдение и уход. Домочадцы были уверены – старику понравится там. Там он найдет себе новых друзей и стоит отбросить все вздорные, бытующие в обществе, предрассудки, согласившись отправиться в геронтологический центр. Тем более – супруга племянника Николая Николаевича находилась в положении и скоро молодой семье потребуются дополнительные площади для обустройства детской. Хотя, Николаю Николаевичу не требовалось особой помощи и ухода, – это был крепкий старик сохранивший к старости и рассудок и крепость рук, он сразу все понял и не стал устраивать скандалов и театральных сцен. Вопреки ожиданиям родственников, он молча кивнул и сказал, что подумает. После его согласия родственники необычайно быстро решили все фор-

мальные, бюрократические вопросы и Николай Николаевич попал сюда.

В доме он долгое время ни с кем не разговаривал. Его можно было увидеть лишь в столовой и сидящим в одиночестве в саду. Когда с ним пытались заговорить он только односложно отвечал, продолжая смотреть перед собой. После нескольких неудачных попыток разговорить старика постояльцы оставили его в покое. Николай Николаевич превратился в одинокого призрака. Он просто молча проходил рядом ни на ком не останавливая свой взор. Казалось, будто в вое ветра и бушующем ливне он видел больше жизни, чем в людях. Ходил он всегда ровно. Пусть медленно, но без палочки. Со времен службы в доблестной советской армии у него так и осталась строевая выправка. Сядешь в тени старого тополя, задумаешься о своем, а мимо Николай Николаевич молча чеканит свой шаг. Пройдет рядом – будто и нет тебя совсем.

Так продолжалось на протяжении достаточно длительного периода. Но время шло. Сердце старика все продолжало совершать упорный круговорот бытия. Вопреки всеобщему заблуждению о его помешанности, Николай Николаевич все еще сохранял трезвость рассудка. Что бы не случилось, если человек остается жить и мыслить, – его психика тянется к свету, тянется к слову, которое может быть произнесено и, возможно, будет услышано. "Умейте же беречь хоть в меру сил в дни злобы и страданья наш дар бессмертный речь".

Старик стал понемногу разговаривать с постояльцами и общаться к коллективу. Когда я спрашивал Николая Николаевича о войне – у него в рукаве не было припасено никаких интересных, печальных или забавных историй просящихся на страницы романов или повестей. Он лишь хрипло ронял одиночные фразы сродни:

– Все герои остались на поле боя.

Несмотря на общую скупость фраз бывало, что Николай Николаевич мог увлечься беседой и окрашивал свою речь несвойственной ему эмоциональностью. Затем, правда, посреди оживленной беседы, он несколько затухал и сбивался с речи, будто вспомнив что-то. Николай Николаевич любил смотреть спорт, любил делать зарядку и много гулять. Так и жил.

Однажды, уже была поздняя зима, к одной из пожилых женщин приехал ее родственник. Это был ее сын. Такие визиты, как я уже говорил, были очень редки. Старушка, не скрывая искренней радости, вышла к своему сыну и обняла его. По его лицу было видно, что он не слишком рад этой встрече. Он морщился, но старался не показывать того, что он здесь лишь для того, чтобы поставить галочку. Временами, даже с самыми скверными людьми, случаются крайне примечательные метаморфозы. Их, абсолютно беспричинно, начинает терзать совесть, просыпаются самые светлые и теплые чувства. Степень теплоты данных чувств зависит от кон-

кретного человека. Но неизменно то, что они в эти моменты хотят что-то сделать. Сделать кому-либо приятно, сделать что-то значимое и, по их мнению, высокоморальное. Хотя это, по сути лишь иллюзия. Доброта должна быть искренней, доброта не должна преследовать ни каких утилитарных целей. А иначе доброта превращается в нечто бесформенное, непонятное. Нечто туманное. Но, разве пожилой женщине было до этого дело. Она радовалась своему сыну. Она верила – Сын еще ее любит, он ее помнит и его визит прямое тому доказательство. Старушка провела ему экскурсию по своему дому. Она показала – где постояльцы принимают пищу, где у них проходят культурные мероприятия, где у них библиотека и бассейн. Сын молча кивал и старался улыбаться. Старушка смотрела на него одновременно с гордостью и большим уважением – мол это мой сын – посмотрите какой он у меня!

– А знаешь, – сказала она, – недавно к нам приезжали музыканты и играли Стравинского. Было очень красиво. Ты слышал Стравинского?

По сыну было видно, что он даже не слышал такой фамилии, не то что музыку этого композитора. Он сухо ответил – нет.

– Обязательно послушай, это чудесная музыка.

– Послушаю.

Довольно-таки аскетичное и, вместе с тем, архаичное убранство дома престарелых не давало возможности сыну

старушки задержать на чем-то взгляда. Вокруг были расставлены многочисленные цветки, потертые трюмо, вышитые картины, кресло качалка и прочая утварь, которую совершенно спокойно можно было встретить в домах и сто лет назад. Сын долго слушал мать, а потом спросил:

– Интернет то тут у вас хоть есть?

– Это немного сбило старушку с толку. Она неуверенно сказала, что есть, но им пользуются лишь работники дома.

Было видно невооруженным глазом – насколько миры этих людей различны. Скоро он уйдет в мир, где гудят автомобили, где океаны бесконечных городских жителей бьются о величественные строения, подпирающие облака, где каждый миг наполнен суетой, заботой, движением, неважно к чему, но движением. А она останется здесь – в мире мелочей, в мире своих воспоминаний, в мире ничтожных ежедневных обрядов, которые человек копит всю жизнь, чтобы в ее конце коротать за их исполнением время. На прощание она снова обняла его. Я не видел ее слез, но наверняка они были. Наверняка. Он ушел. После его прихода мать еще очень долго ходила гордая и, скорее всего, все ей завидовали. В эти дни она была по-настоящему счастлива. Но такие дни, когда всеобщее спокойствие нарушали гости из вне, были крайне редки.

В начале моего срока пребывания в доме я ездил на выходные домой. Позднее, когда я более-менее свыкся со своим местом работы, я и в выходные стал ночевать у себя в ко-

морке. Бывало, что я целыми неделями не выходил за пределы дома. Периодически работы было не так много. Стандартный ежедневный режим предполагал наибольшую загруженность в утренние часы, в обед и после ужина. В промежутках между этим я большую часть времени проводил у себя в берлоге. Много читал, смотрел видеоуроки по игре на гитаре или играл в какие-либо, не слишком требовательные видеоигры, на своем ноутбуке. Меня никто не беспокоил. График я знал и соблюдал – предварительно звать меня не требовалось. В интернет я заходил редко, только чтобы посмотреть какие-либо видео, в социальных сетях ни с кем не общался и практически полностью закопался в свое мечущееся существо. Скажете – эскапизм! А я скажу – передышка. Тем не менее, за этот период я многому научился. Сантехника, электрика, плотничество – все было на мне. Тамара Юсуфовна оказалась очень активной женщиной. Она совершенно отчетливо знала, как надо делать ту или иную работу и каким образом должен выглядеть результат ее выполнения. В отличие от Марии она постоянно контролировала меня. К своему стыду – приступая к очередной работе я понимал, что не знаю даже базовых понятий из этой области. Благо, всем известный видеохостинг, содержит обучающие видео на любой вкус. Как оказалось, ручки самопровозглашенного интеллигента способны ловко работать и с отверткой и с паяльником и с гаечным ключом. Я быстро учился. Иногда старики советовали мне, как лучше осуществить ту или иную работу:

как правильнее сделать разводку по электричеству, как правильно провести ПВХ трубы. Без всякого сомнения, они и сами, при наличии сил, могли бы произвести данные манипуляции, но инструмент был у меня и они доверяли моему, с каждым днем растущему, умению. Я был, своего рода, сыном полка.

Вот и прошла зима. А это значило, что скоро большая часть постояльцев дома престарелых плавно переместится в сад, в оранжерею, которую они сами бережно возвели. Там за стенами дома были цветочные аллеи, кустарники, многолетние дубы, которые только, только протирали глаза после длительного забвения. Скоро сад наполнится жизнью, и его сезонное возрождение внесет в этот маленький мир хотя бы внешне пестрые краски и многогранное арпеджо дивных запахов. Сад оживлял этот дом. Все понимали, что жизнь – она существует. Пусть жизнь природы, но ведь это тоже один из признаков ее проявления. Снег медленно таял, обнажая мир недавнего увядания и оцепенения. Скоро все проснется. Скоро придет пора садить помидоры, огурцы, капусту и что еще там сажают. Для стариков это было истинным чудом, истинной радостью. Они тщательнейшим образом выбирали семена, удобряли землю, следили за каждым новым ростком. Появлялись новые темы для разговоров, – темы вокруг результатов кропотливого труда садоводства.

Однажды я был свидетелем того, как часть урожая пропала. И старики плакали. Для меня это было удивительно. Мне

казалось, что в таком возрасте это не может настолько расстроить человека, но выяснилось, что все совсем наоборот.

Был ветреный апрельский день. Я сидел на крыше и пытался залатать проявившуюся к весне протечку кровли. Работа была довольно нудной и долгой. Я ходил между стыками кровельных материалов и тщательно проверял всяческие неровности и отслоения. Вся соль была в том, что мокрое пятно на потолке, совсем не означало, что протечка будет именно над ним. Вода, следуя только ей одной известным законам, просачивалась окольными путями в совершенно неожиданные места. Сказать с уверенностью, что протекает именно в данном месте можно было только про грубые дефекты кровли. Остальные же места приходилось тщательно выискивать. Не перекачивать же всю крышу заново. Вот я и выискивал. Главное, при осуществлении поисковых работ, руководствоваться правилом хороших докторов – не навреди. В попытке отыскать прореху между рулонами кровельного материала нужно было пытаться аккуратно поддеть края рулона для проверки его сцепления со своим соседом, в результате чего, и без того хлипкое соединение выдавшей виды кровли могло нарушиться. Этого нельзя было допустить. В распоряжении у меня была лишь банка битумной мастики, герметик, двухметровый кусок старого кровельного материала и газовая горелка. С этим джентльменским набором мне нужно было выиграть у кровли покерную партию. Пока я возился с покрытием, в область моего периферическо-

го зрения попала старушка сидящая на лавочке. Она была одна, в ее руках не было ни книги ни аксессуаров для вязания, ничего. Она просто сидела и смотрела как ветер гонит пыль и играет с мертвой листвой. Вот я уже залатал большую часть дефектов кровли, а она все сидит и смотрит на еще не возрожденный сад, прошло уже около двух часов, но ее положение осталось неизменным. Разве мы – рабы бинарного века можем понять эту аналоговую эпоху, этих аналоговых по своей природе людей? Яркие и приглушенные цвета дня, будоражащее дух пение соловьев, запах испеченного хлеба, поля, уходящие прямо в небо, которое рисует твоему взору белой темперой узоры воображения и чистота восприятия действительности. Это поколение оставило нам, так любимые мной, великие классические произведения, оно оставило нам стержень понятия красоты и гармонии, а что мы оставим нашим потомкам – отрицание этой красоты, декаданс? Что может иллюстрировать типичную пастораль сегодняшнего дня – девушка со смартфоном в руках и наушниками в ушах? Отвлекло от глубоких мыслей меня неприятное ощущение в правой стопе. Оказывается, в пылу мысленного порыва я накапал себе в ботинок из открытой банки битумной мастики и теперь ощущал, как она растеклась по моей стопе. Не знаю, как мои современники, но я то точно оставлю после себя след, – след протектора обуви, измазанной битумной мастикой.

Светлана Константиновна

Светлана Константиновна в молодости была настоящей красавицей и имела завидный успех у представителей противоположного пола. Но, так уж случилось, что большую часть жизни она прожила одна. Как ярко-красные маки посреди снежной пустыни в ее памяти остались воспоминания об искренней любви. Она действительно любила и охотно об этом рассказывала. Любила, каждый раз, как в первый и последний. Ее возлюбленными всегда были неординарные личности: известный спортсмен, музыкант, писатель. Такие мужчины никогда не бывают обделены женским вниманием. Они любят ярко и готовы на безумные поступки ради объекта своей любви. Но была в этой любви и своя печаль – их все время влекло в неведомые дали. Любовь Светланы Константиновны была для них, как красочное приключение. И, безусловно, они полностью отдавались этой любви. Но, получив от нее должную порцию вдохновения и воодушевления странники вновь отправлялись в путешествие за новыми открытиями. А Светлана Константиновна страдала. Разве можно было помыслить, что за этими глазами, за этими, будто нарисованными губами, бровями, причудливыми впадинками щек скрывается такое жгучее страдание. К сожалению – это негласный закон существования – сорняки всегда растут без проблем, а прекрасные цветы часто увядают раньше

времени. Но доброе и искреннее сердце Светланы Константиновны не оставляло надежду найти своего единственного. Так продолжалось до того периода, пока красота ее оставалась незыблемой. К сожалению, горькие разочарования не могли проходить бесследно. Уже к тридцати пяти годам она перестала быть такой же прекрасной. На ее лице появились первые морщины, она поправилась, стала не такой веселой. Все же – судьба послала Светлане Константиновне последнюю любовь. Это был самый долговременный роман ее жизни. Избранника ее звали Павел Александрович. Он был отнюдь не поэт и не музыкант, он был обычный инженер, занимающий не самую высокую должность. Но, разве это имело какое-то значение! Он любил ее и не искал в этой любви нечего большего. После нескольких лет, прожитых вместе – они поженились. Вскоре Павел Александрович сильно заболел. Врачи не могли диагностировать причину заболевания. Они, конечно, выдвигали гипотетические диагнозы и прописывали лечение, но оно не помогало. Павел Александрович медленно угасал. Светлана Константиновна, как могла, поддерживала его и проводила дни и ночи около постели больного. До самого конца. Тогда ей было уже сорок пять лет.

Не смотря ни на что – это была добродушная и непосредственная старушка. Она любила продолжительные беседы на отвлеченные темы. Когда Светлане Константиновне рассказывали что-то забавное – она всегда громко смеялась. Несмотря на легкий и оживленный нрав Светланы Констан-

тиновны – она могла очень остро чувствовать горечь и печаль других людей. Сродни данному таланту у нее также был талант по выращиванию очень красивых цветников, которые всегда отличались изящными формами и органичным подбором сортов.

Грузчики

Распределение бюджетных средств – дело очень непростое. Как бы не сложилась нелегкая судьба – средства должны быть распределены. Пусть целевое предназначение средств не всегда совпадает с исходной целью – но, тем не менее, распределение же произошло. Средства были выделены – средства были получены. Чем не распределение? Все же, иногда, часть целевых средств попадает в цель. Сложно сказать – счастливая ли это случайность или чья то добрая воля, а может был такой равнодушный человек, назовем его кодовым именем Энди, который на протяжении многих лет писал в администрацию просьбы о материальной помощи дому престарелых, но денежные средства таки были выделены и использованы по назначению. Для дома закупили большое количество мебели и некоторые объекты бытовой техники.

В этот день Тамара Юсуфовна отправила меня в город за фасадной краской, когда я вернулся в дом, все уже было выгружено и дружно ожидало моего прихода. Видимо, в структуре выделенных средств не нашлось место малой доли на грузчиков. Они благополучно сгрузили все объекты и, с чувством выполненного долга, уехали. Подле щедрых подарков уже собралась небольшая группа соглядатаев. Я, поспешно, подошел к ним. Во главе группы стоял солидный мужчина

лет сорока пяти. Особую солидность ему придавала татуировка обнаженной дьяволицы размером во все предплечье. Завидев меня, он прищурившись, громким голосом спросил: "Сергея, ты?". Говорил он очень громко и напористо. Я даже несколько опешил и чуть не ответил, что не я...

– Серега! Узнал меня?

Я не узнал. Делать было нечего...

– Нет, не узнал.

Он, широким уверенным шагом, подошел ко мне.

– А я тебя еще вот таким помню, – он очертил рукой линию на уровне моего пояса, – надо знать друзей своих родственников, я дядя Миша.

Только тогда я понял – это друг моего отца, который любезно согласился принять меня в ряды доблестных работников дома.

– Здравствуйте.

Он крепко пожал мне руку. Ладонь его была чуть влажной, в нос ударил терпкий запах одеколona.

– Можешь называть меня Михаил Исаакович.

– Хорошо Михаил Исаакович.

Он строго посмотрел на меня, потом достал из кармана телефон и посмотрел на время, затем снова перевел взгляд в мою сторону.

– Короче, Серега, что делать ты понял – чтобы к вечеру все было расставлено по местам.

– А куда именно расставлять?

Михаил Исаакович снова посмотрел на телефон.

– Разберетесь. И кстати, – он полез в нагрудный карман, – держи ключи от сарая, туда унесете все старое. Завтра ключи мне сдашь.

Отойдя на несколько метров, он огляделся по сторонам.

– Так, а теперь фото на память. Все встаем рядом с мебелью. Кучнее, улыбаемся, – скомандовал он.

Вышедшие встали плотнее, Михаил Исаакович несколько раз сфотографировал их, затем быстро убрал телефон и нахмурился.

– Все, заболтался я с вами.

Посмотрев в мою сторону, он громко сказал: "Завтра отчитаешься".

Все, барин уехал. Мы же, растеряно взирая на щедрые дары, остались. Со стороны могло показаться, что люди собрались посмотреть на выставленную мебель, словно в музее... Завораживающее зрелище. Среди мебели были, как полностью собранные объекты, так и разобранные, упакованные в пленку. Был холодильник, пара табуретов, диван, два кресла, несколько столов, два шифоньера, разного размера тумбочки, стенка и электрическая плита. Требовался второй доброволец на должность грузчика. Насчет первого, я полагаю, все и так предельно ясно. Просить стариков и, тем более, женщин о помощи было, как минимум, нетактично. С другой стороны, – не искать же сторонних грузчиков. Ждать было нельзя. Погода хмурилась, того и гляди – пойдет дождь. Мои

сомнения прервал старик Федор. Он медленно обошел мебель и встал рядом с холодильником. Давайте я вам помогу. Вместе управимся за пару часов. Слова старика развеяли общее оцепенение. Я пристально посмотрел на него.

– Вы точно готовы?

Он потер большими пальцами указательные.

– Постараемся.

Особых вариантов не было. Пришлось, принять помощь Федора. Светлана Константиновна, которая уже успела присоединиться к вышедшим, добавила, что поможет нам расставить все по местам.

Мы с Федором переглянулись. Надо было начинать работу.

Взялись за первый стол. Он был полностью собран и был довольно тяжелым. Светлана Константиновна сразу же определила принадлежность данного стола.

– Это в общий зал. Стол большой, за ним можно играть в карты или в домино, но для общего стола он слишком узкий.

Взялись. Понесли. Чтобы зайти в дом нужно было подняться на шесть ступенек крыльца. Я шел назад. Федор командовал мной.

– Стой. Сейчас начнутся ступеньки.

Не спеша, я поднялся на крыльцо. Как назло, стол был шире, чем вход. Перевернули стол на бок. Сначала завели одну ножку, затем вторую. Светлана Константиновна суетливо направляла нас. Прошли по коридору, повернули, снова ко-

ридор. Зашли в общий зал. Стол поставили на небольшом расстоянии от окна. Выдохнули. Следующий стол был тех же габаритов – его мы отнесли также в общий зал и поставили напротив следующего окна. Старый маленький стол, с потрескавшейся где только можно лакировкой, мы отнесли в сарай. Следующий стол был крайне внушительных габаритов. Очевидно, что это был общий стол, который как нельзя лучше подходил для столовой. Взялись. Я, надув щеки, выдохнул. Материал стола впился в ладони, мышцы поясницы напряглись. Стол был очень тяжелый. Я посмотрел на Федора, он пыхтел, но молчал. Переступая мелкими шажками понесли. Каждая ступенька крыльца со столом в руках казалась серьезным препятствием. Будто я делал выпады с гантелями килограмм по двадцать. Никогда не любил весь этот глупый статический фитнес. Пару лет назад товарищи пытались мне привить любовь к тренажерному залу, но меня хватило лишь на пол года. Какие-то базовые мышечные группы я нарастил – не более того. Проходить все проемы и повороты с тяжелым столом было в двойне тяжело, руки потели и стол выскальзывал из них. Приходилось постоянно подхватывать его и помогать себе коленом, чтобы он окончательно не вывалился из онемевших пальцев. Прошли все повороты и подъемы. Осталось занести стол в трапезную. Предплечье уже начинало ныть от долговременной нагрузки. Федор глубоко дышал и, между вдохами, облизывал губы. Несмотря на то, что порожек, при входе в кухню был минимальным, я

умудрился запнуться об него и влетел плечом в стену. Благо не упал и не выпустил стол из рук.

– Стойте. Давайте опустим. Руки вспотели.

Опустили. Федор облокотился на стол. Я посмотрел на свои ладони. Балбес – надо было надеть перчатки. Немного отдохнули. Этого было достаточно, чтобы без происшествий аккуратно занести и поставить стол. Столовая была довольно большой, но посадочных мест никогда не хватало и приходилось кормить постояльцев в два присеста. Теперь же, к общему интерьеру добавился большой стол. Теперь проблема с посадочными местами должна быть полностью или, в худшем случае, частично решена.

После стола решили сильно не напрягаться и перетаскали сначала тумбочки, затем всю разобранную мебель. На очереди был шифоньер. Я сбегал за перчатками. Наклонили его задней стенкой к земле. Я пытался подлезть под низ шифоньера, чтобы взяться, но его край вплотную был прижат к асфальту. Пришлось ставить его на место. Федор почесал затылок.

– Я сейчас. Надо что-то подложить, когда мы его наклоняем.

Он принес советскую энциклопедию. Толстый и увесистый том. Он как родной влез под край шифоньера. Наклонили. Теперь я мог взяться за низ. Хоть в чем то советская энциклопедия оказалась полезной. Было не тяжело, но неудобно. Шифоньер был достаточно глубоким, а руки ко-

роткими. Из-за этого неприятного сочетания его край практически втыкался мне в подбородок. У Федора руки были подлиннее, и он чувствовал себя гораздо комфортнее. Стоило мне отвлечься и я утыкался подбородком в твердое препятствие. Светлана Константиновна постановила, что шифоньер надо доставить в коридор, который ведет ко входу. Благо, нести было не далеко. Как всегда – большая часть проблем поджидала на входе в здание. Естественно – по ширине он не пролезал в дверной проем. Пришлось переворачивать его боком. Боком же он был высоким и не давал выпрямиться в полный рост. Вот так, согнувшись в три погибели, нам пришлось его заносить. Как сейчас помню наставления ортопеда – к которому меня водили в детстве: "Спинка прямая, не сутулиться, плечи расправлены". Сейчас было совсем не до прямой спинки и расправленных плеч. Наконец пронесли мучителя через дверной проем. Можно было выпрямиться. Мне показалось, что я услышал хруст. Может – хрустел Федор, а может и я. Занесли, поставили. Кресла пошли значительно легче. Занесли в общий зал. Теперь старики, кто успеет занять место, могли читать книги или газеты с большим комфортом. Старые кресла, точнее их обмотанные скелеты, унесли в сарай. Видимо, уже на момент появления данных объектов мебели в доме срок их эксплуатации был не менее двадцати лет. Может еще сам товарищ Ленин, сидя на этих креслах, писал свое нетленное "Государство и революция". Взялись за диван. Понесли. Этот гад был также

тяжелым. Поднялись по ступенькам, я уже обрадовался, что пройдем, но мы снова воткнулись. Федор опустил диван.

– Попробуем поднять и протиснуть сначала спинку.

Попробовали. Спинка не пролезла. Мешал всего лишь жалкий сантиметр. Я уже хотел бежать за ножовкой, но Федор скомандовал: "Ладно, давай назад". Спустили диван с крыльца. Федор, тяжело дыша сел на него.

– Рулетка есть? Мерить будем.

Я сбегал за рулеткой. Оказалось, как бы мы не пристраивались, диван не проходил. Начали думать. Светлана Константиновна предложила занести диван через окно. Проблема была в том, что не все из двустворчатых окон в доме открывались. Некоторые из них были привычно законопачены. Об этом мы узнали, когда уже успели поднести диван к одному из них. К нашим коротким марш-броскам в обнимку с диваном хорошо бы подошла музыка из Бенни Хилла. Да, именно та, о которой вы подумали. Поднесли к другому окну. Оно к счастью открывалось без проблем. С проклятиями затолкнули диван в помещение. На очереди был холодильник. С ним надо уже было обращаться деликатнее – любое повреждение конденсатора, компрессора или любых трубок превращало его в бесполезный ящик. Наклонили его на бок, так чтобы дверца находилась по правую руку от меня, понесли. Благо, холодильник без проблем проходил в дверь, только он постоянно соскальзывал. Несли очень бережно, как большого новорожденного семидесяти килограммового ре-

банка. Когда донесли и поставили его в столовой хотелось умиленным голосом сказать:

– Какой хорошенький, как похож на папу...

Я посмотрел на Федора. Он тяжело дышал и растеряно смотрел перед собой.

– Вы в порядке?

Федор, сохраняя темп дыхания, ответил:

– Нормально, осталось немного.

И действительно, во дворе нас ждала лишь исполинская стенка. Первый подход к ней завершился неудачей. Мы даже не смогли донести ее до ступенек. Накопившаяся усталость и приличный вес мебели играли против нас. Последний бой он трудный самый. С этим девизом мы, после минутной передышки, снова взялись за громадину и начали медленно за-таскивать ее на ступеньки. Судя по звуку, думаю что мы покарябали весь низ стенки, но меня это уже не волновало. Федор тужился стоя на первой ступеньке и пытаюсь затолкнуть стенку в дверь. По его натужному кряхтению я понял, что надо меняться местами. Светлана Константиновна стояла во дворе и сочувствовала нам.

– Ой мальчики, как же вам тяжело, передохните маленько.

Нет, раз уж мы занесли стенку на ступеньки курить было уже нельзя. Я крикнул Федору:

– Давайте я снизу.

Поменялись. Не знаю как, но мне удалось затолкать стенку в дверь. С короткими передышками понесли стенку в

общий зал. После общего холла нас ждал длинный коридор. Казалось, что пот уже хлюпал у меня в ботинках было очень тяжело. Я решил перехватиться и несколько сбавил шаг. Это было фатальным решением. Стенка начала резко заваливаться на бок. Со стороны Федора послышалось громкое ругательство. Я быстро переместил корпус к стене и, упершись задом практически лбом остановил падающего толстяка. В глазах засияли водородно-гелевые шары, они же звезды. Далее – ориентировались по ним.

Перестановки закончились. Я и Федор, прислонившись к стене, сидели на полу в общем зале. Вспотевшее тело, легкий тремор рук, сухость во рту, частое дыхание и приятное чувство завершенности происходящего действия – разве это не прекрасно. Федор глубоко вдохнул.

– Да, чуть не уронили стенку на бок. Главное, я думал, что ты держишь бок, а ты думал, наверно, что я. Крепкий ты парень, – добавил Федор, – быстро сориентировался.

Я почесал мокрый затылок.

– Вот грохоту бы было... Вы тоже в неплохой форме. Как-никак – несколько часов отпахали чистым грузчиком.

На лице Федора заиграли скулы, он жадно втянул воздух ноздрями, и закрыл глаза.

– Знаешь, я все еще люблю эту жизнь. Как бы там ни было, – я благодарен за каждый прожитый день. И если до самого конца здесь, – он поднял сжатый кулак, – останется хоть сколько-нибудь силы и воли – то это будет большое счастье.

– Как вы поняли, что вырезать фигуры из дерева – это ваше призвание?

Федор закусил нижнюю губу и, еле заметно, улыбнулся.

– Никак. В этом я наиболее свободен. Если ты ищешь себя – то ты ищешь, прежде всего, свободу.

Над этим стоило подумать: Чего мы все, оставленные в этом одиноком мире, ищем? Может, совсем и не свободы, а рабства... Мария принесла нам бутылку с водой. Как же быстро можно обрести страшную жажду и как приятно ее утолить. Будто ты в первый раз пьешь холодную прозрачную воду. Неправда, что у воды нет вкуса. Просто, мы его не хотим замечать или слишком увлечены вычурностью вкусов других напитков. Вкус чистой воды – это вкус рождения. Сидели молча, вслушиваясь в доносившиеся из столовой звуки. Дыхание постепенно возвращалось к своему привычному ритму, биение крови в висках смиряло свой нрав. Не надо было никуда спешить, можно было позволить себе просто расслабиться и без дела сидеть на полу, наблюдая за тем, как тень от тополя за окном плетет свои кружева на стене, повинувшись порывам ветра. Пришла Мария.

– Ну что мальчики, пойдём обедать.

Дав себе несколько секунд, чтобы попрощаться с гипнотическим состоянием прострации, я встал. Федор присоединился ко мне мгновением позже. Мы пошли мыть руки. Холодная вода тут же отрезвила мое задремавшее сознание и я понял, что очень хочу есть. Умывшись, я отправился в столо-

вую. Никого уже не было. Нам отдельно накрыли обед. Ничего необычного – просто еда. Пюре с котлетами, которых любезно положили две штуки, солянка, салат из огурцов, помидоров и горошка, булочка и компот. Мы, без лишних прелюдий, приступили к трапезе. Признаюсь, давно с таким аппетитом не ел. Наряду с основными блюдами я поглощал свое разгоревшееся чувство проявленной деятельности, ставшей законченным действием. Настоящий голод наступает лишь тогда, когда при работе ты отдал чуть больше внутренних резервов, чем это планировал твой организм. Забавно, что мозг все планирует за тебя. У него уже есть план, еще до того как ты это узнаешь. Но, где же тогда ты? Я откинулся на спинку стула – Хорошо! На столе остались одинокие компот и булочка. Такого стыдливого и звенящего одиночества я не мог допустить. Кажется булочка была со смородиной, а компот – клюквенный. Хотя, в этот миг я нашел бы даже самый посредственный вкус невероятно глубоким. Федор крайне забавно поглощал пищу: он быстро, быстро набивал рот едой, а потом очень энергично пережевывал. После завершения трапезы он сомнительно повертел в руке недоеденный кусок хлеба, практически насухо вытер им тарелку из под супа и отправил его в рот. Федор откинулся на стуле и тыльной стороной ладони задумчиво вытирал скопившийся над губой пот. За окном пошел мелкий дождь, окутывая дом темной пеленой. Он долго смотрел в сторону окна и таинственно улыбался, скрывая улыбку за морщинистой рукой.

– Добрый обед и дело доброе. Теперь хорошенько отдохнуть, а вечером лига чемпионов. Надеюсь игроки вознаградят наш благой труд хорошей игрой. Конечно, любой труд облагораживает, но это не отменяет того, что он должен быть вознагражден, пусть даже чисто символически. Знаешь – какой был мой первый заработок? Вот такая вот булочка, – Федор провел пальцами по крошкам на блюде, – я помог своему соседу – Вячеславу Евгеньевичу грузить ящики в фургон и он расплатился со мной таким образом. Через год он стал торговать в нашем районе хлебобулочными изделиями и каждый раз, когда я шел из школы и проходил мимо его разноцветной витрины, я покупал у него такую вкусную булочку. Магазин находился на пригорке за большим оврагом в окружении двухэтажных жилых домов. Там всегда было много света и мало прохожих, и мне чудилось, что это сокрытый от всех лишь мной придуманный мир. Я никогда не звал туда друзей. Несмотря на то, что мне было не по пути я всегда старался найти повод сделать внушительный крюк и зайти в свое любимое место. Весь овраг зарос осокой и лапухом, зеленый ковер укрывала с небес пышная прическа белых ив. В глубине заросшего оврага рос куст красной бузины. Чуть поодаль от него, из кусков старой фанеры, я соорудил себе небольшой шалаш. Спрятавшись в этом укромном месте я ощущал, что перехитрил всех, что эти глупые взрослые, будучи не в состоянии убежать от будничной рутины, словно пчелы увязли в патоке городских глупостей. А я здесь

и в каких-то пятистах метрах от меня на витрине лежат мои любимые булочки, – сосед, по привычке, протирает рукавом прилавок и из старого радио звучит веселая музыка. Будто бы он один знает о моем присутствии здесь, будто мы с ним договорились и я всегда знаю, что могу в любой момент покинуть свою тайную обитель и забежать в его магазин: почитать свежие газеты, поиграть с его упитанным котом, послушать радио или просто тихо посидеть, глядя сквозь витрину на пустынную улицу. Но, через пару лет магазин закрылся и Дядя Слава уехал жить в другой город. Я очень расстроился, когда узнал от него, что сегодня магазин работает последний день. Мы попрощались с дядей Славой и я угрюмо поплелся в свой шалаш. В тот день я впервые осознал, что такое одиночество и что ход времени неумолим. Больше я туда не возвращался.

Глядя на меня, Федор стал медленно составлять чашки на разнос.

– Пойдешь со мной в карстовые пещеры?

– А где это?

– Тут недалеко – двести километров от дома. Место живописное, есть на что посмотреть. Ранним утром выедем, – часов так в шесть, и к вечеру обернемся. Только одеться надо потеплее. Я давно хотел туда выбраться, да одному скучно.

– Почему бы и нет, пойдете.

– Вот и отлично. Через пару неделек сходим.

Мы крепко пожали друг другу руки и Федор ушел. Не

знаю зачем, но я решил обратиться с вопросом к Марии, которая молча сидела в углу столовой.

– Я пойду посплю?

– Идите, только не забудьте, что через три часа у нас процедуры.

– Хорошо, я поставлю будильник.

Уснул я сразу же. Пробуждение было крайне степенным. Я открывал глаза, смотрел на телефон и снова закрывал их. Наконец, звон будильника вытащил меня из мягких лап сына Гипноса. Впереди меня ждали процедуры. Под процедурами понимался очень широкий спектр возможных активностей. Все физические церебральные упражнения для стариков были достаточно простыми, собственно, по этой причине меня и просили помочь в осуществлении данных действий. В первую очередь им было необходимо двигаться, – двигаться осознано и, по возможности, четко. Хорошо сказать – четко, когда каждый атом твоего тела находится будто в вязком болоте. Вот мы пошли, сначала очень медленно, старушка держалась за мою руку, другой рукой я держал ее локоть. Первые разы, боясь нарушить хрупкость происходящего действия, я ходил еще более неуверенно, нежели старики. Но, их несгибаемая воля вселяла силы и в меня. Они шли, шли без слов и без слез. Наверно, за всю мою прошедшую жизнь я не касался такого количества тел. Мария показала мне основные процедуры, которые я ежедневно должен был проводить постояльцам дома. Массаж, втирание мазей,

мануальные коврики, тренировка мелкой моторики. Оказывая посильную помощь старикам в выполнении физических упражнений я становился невольным слушателем многочисленных разговоров. Лариса Николаевна часто жаловалась на боль в ключице, ее сухощавая подруга сочувствующе кивала головой.

– Ляжешь в одной позе – начинает ныть, дак я за всю ночь изверчусь на постели в поисках лучшего положения. На утро как разбитое корыто. И мази то плохо помогают. Вот давеча мне посоветовали одну мазь, дак она так жжется, что и разницы нет – ключица ноет или мазь жжет.

Подруга глубоко вздыхала.

– Ой, не говори, сейчас легче помереть, чем лечиться. Никаких сил и денег не напасешься. А я слышала по телевизору, что все уже давно отошли от магазинных мазей и используют продукты собственного приготовления. Вот я беру топленое масло, черный перец, масло календулы, пчелиный воск и масло имбиря, топлю это на водяной бане и получаю кремовидную субстанцию средней степени густоты, которая для меня лучше любой купленной мази. Натрешься ей под вечер, ляжешь под одеяло, укутаешься и уснешь сном младенца.

– Значит помогает мазь то?

– По крайней мере дает весомый повод для самовнушения. Нюра, земля ей пухом, если помнишь – до последнего бодрилась и думала – боль означает, что тело сопротивляет-

ся недугу и вот вот излечится.

– Погоди, какая Нюра?

– Ты не помнишь что ли? Нюра Ревина, ее сюда младшая сестра привезла. А через месяц она в обморок упала, оказалось рак легких.

Лариса Николаевна угрюмо закивала головой.

– Помню, она такие пироги пекла вкусные, рукодельница была и тут как сглазили.

– Говорят, рак бывает у тех, в ком особый избыток жизни.

Людмила Николаевна стала медленно растирать левое колено.

– Да, наверно он так. Вспомнила я – она все думала: чем ей больнее, тем сильнее организм отторгает хворь. Так промучилась она несколько месяцев, а когда стало совсем нестерпимо больно – она даже обрадовалась и говорила всем, что скоро пойдет на поправку. Совсем ее боль скрючила, а она сквозь стиснутые зубы улыбалась, а на утро померла.

– К себе забрал боженька, уж лучше, чем мучиться.

– Не говори.

– Бывало зайдешь к ней в комнату, а она картину вяжет. Спицы так и порхают в ее руках. И ведь всегда выслушает тебя, не отрываясь от работы. Кажется, будто она и не слышит вовсе, но нет ведь и отвечает тебе и беседу поддерживает. Она мне несколько пар носков связала. Такие теплые, я всегда их надеваю когда ноги мерзнут. Ведь на вид она такая активная была. Сядешь рядом, а она все стучит коклюшка-

ми и втыкает булавки, ловко обвивая их плетешками, будто мороз плетет свои причудливые узоры на окне. Так и сидим мы с ней молча, а я все слежу за движениями коклюшек и так мне спокойно и хорошо. До сих пор у меня звучат в ушах ее слова: перевить, сплести.

После долгого трудового дня я возвращался в свой тихий и одинокий угол. Один, на кровати с нависающими по двум сторонам стеллажами, с тусклым, едва пробивающимся светом, глубоко в клоаке своих, еще не оформившихся ощущений.

Меня позвали на одну из многочисленных студенческих вечеринок, которые случаются у студентов с завидной регулярностью. Это был замечательный шанс на какое-то время вырваться из царства сна. Я взял два дня отдыха, чтобы при возможном продолжении банкета иметь запас времени привести себя в порядок.

Нас собралось около тридцати человек. Загородный дом, любезно предоставленный, ничего не подозревающими родителями одного из наших товарищей нам в распоряжение, был достаточно просторен. Половины из собравшихся я не знал. Это были учащиеся из других групп, а так как, при моей занятости, я вел не слишком активную студенческую жизнь – до сегодняшнего дня мне не довелось с ними познакомиться. Все это были люди молодые, энергичные и веселые. Они умели отдыхать, умели хорошо проводить вре-

мя и не задавать слишком много вопросов. Это было самое главное для хорошего времяпрепровождения. Эти два дня были прекрасны. У нас, как и полагается в таких случаях, было много алкоголя и много свободы. Даже если, кто-либо был связан некоторыми обязательствами, которые накладывают затянувшиеся отношения с противоположным полом, эти обязательства еще не успели перерасти в нечто сковывающее, нечто вьевшееся, как раковая опухоль, в плоть совести и привычки. Это дарило прекрасное чувство сиюминутности, чувство жизни здесь и сейчас. Не в прошлом с его пустой ностальгией, не в будущем с его эфемерными мечтами, а здесь и сейчас. Девушки смеялись и мило заигрывали с нами, как умеют только те девушки, которым еще не довелось ощутить гнет взрослой жизни, бремя забот, от которых невозможно убежать. Что может быть лучше этого? Им было совершенно безразлично, что через двадцать-тридцать лет их красота начнет увядать. Их, пока упругая грудь, с каждым днем начнет становиться все более дряблой. Гладкое тело испещрят морщины. Да и стоит ли об этом думать? Когда девушка говорит тебе – я хочу быть с тобой этой ночью, разве ты думаешь, что может из этого вырасти, что может случиться в этом одиноком мире. Если любовь и охватит твое бушующее сознание, то никак не из ощущения будущего или тоски по прошлому, а только лишь потому, что она рядом, – она здесь. И приближение к ней тебе ничего не стоит. Ты можешь владеть ей, только потому что вы оба этого хотите. Мы

поднялись наверх. Она распустила волосы. Самое главное – что она ничего не говорила. Было невозможно тихо, либо я ничего не замечал вокруг. Мне казалось, что тишина была звенящей. Это была редкая ночь – когда меня не терзали сомнения. Она смотрела мне прямо в глаза.

Ночь, как и все в этом мире, закончилась. Я шел по проселочной дороге на остановку. Ребята решили остаться еще на один день. Было около девяти часов утра. Солнце уже припекало. Ветер колыхал белеющие вишни. В будние дни в садовом хозяйстве редко встречались люди. Все были на работе. На дороге мне встречались лишь кошки да собаки.

Наш преподаватель философии, словами, кажется Шопенгауэра говорил, что – удовлетворение физических желаний приносит лишь разочарование, тогда как интеллектуальная деятельность приближает человека к истине. А собственно, если эта истина и есть в удовлетворении физических желаний. Если ты пройдя неимоверно долгий путь самопостижения и постижения мира, придешь к тому – что по настоящему ты никогда и не жил, не любил, не испытывал удовольствия от общества противоположного пола, а всю дорогу бежал за тем, чего нет. Да, действительно, я чувствовал некоторое уныние чувств. Но вместе с тем и радость от проведенной ночи. Замечтавшись я налетел на булыжник на перекрестке. После это весь остаток дороги я прихрамывал. Все, забыли про Шопенгауэра.

Когда я вернулся на свое привычное место работы я узнал

– многие из стариков были очень взволнованны моим отсутствием. Один из стариков даже подошел ко мне и поинтересовался – не случилось ли чего. Получив отрицательный ответ он в спокойствии удалился.

Однажды я услышал глухой стук в одной из комнат. Я поспешил раскрыть природу этого шума и вошел в комнату. На полу лежал старик Федор. Я прощупал пульс, сначала на запястье, потом на шее. Старик был мертв. В доме престарелых это был не столь шокирующий случай, как в обычных домах. Постояльцы совершенно ясно понимали эту гнетущую неизбежность. Что, рано или поздно, каждый из них может оставить этот мир, однажды утром не проснувшись.

Я оповестил персонал дома. Все стали потихоньку собираться. Никто не плакал. Возможно, многие научились таить свои слезы. Он лежал на полу с распростертыми руками. С виду было похоже, словно человек лег отдохнуть на лужайке и решил раскинуть руки на встречу слепящему солнцу. На него косо падал яркий луч дневного света и под определенным углом можно было увидеть мелкую древесную пыль, которую он открывал нашему взору. Было тепло и светло. Сейчас начнутся привычные приготовления, вносящие в возникшую картину еще больше нелепости. Позвонили в скорую, позвонили родственникам. Началась суeta. Покойник не мог сам встать и уйти. Необходимо было принять требуемые меры. Смерть человека – это очень странно. С одной стороны – это совершенно естественно, с другой выглядит,

как злая нелепая шутка. Как разлом реальности. В такие моменты кажется, что здесь что-то не так, что в этой ситуации непременно есть лазейка, – ускользающая, незаметная лазейка. Что переоценка внутренних устоев существования вмиг сможет помочь преодолеть эту нелепицу. Но, думаю, данная истина еще не открылась никому. Еще минуту назад он трудился над заготовкой, держал в голове образ будущего произведения, а сейчас образа нет, как нет и его. А что осталось? Бездыханное грузное тело? Неужели, именно оно содержало эту невозможную мистерию жизни? Неужели совокупность физико-химических процессов и была – эта воля и это стремление. Слышу шелест шин. Приехали. Доктор провел освидетельствование. Вошел санитар. От него пахло жутким перегаром. Он посмотрел на старика, потом окинул взглядом собравшихся. Подошел ко мне.

– Слушай парень у меня, после вчерашнего, руки ходуном ходят. Будь другом – подмоги моему товарищу вместо меня.

Я молча кивнул. Внесли носилки. Врач взял покойника за руки, я за ноги. Погрузили на носилки. Когда деда выносили, врач не рассчитал и сильно ударил плечё покойника о косяк двери. Осторожнее – проронил кто-то. Санитар не смог сдержать ухмылки. Видимо он уже давно работает здесь. Вынесли, погрузили в автомобиль. Все. Они уехали.

Я вышел в сад и сел на лавочку. Люди умирают. Умирает все, постепенно превращаясь в энтропию. Я наклонился и обхватил голову руками. Какое страшное слово – навсегда!

И ведь нельзя даже предположить, что ты бы мог придумать иную игру – нечто непохожее, но самостоятельное. Это была первая смерть в период моего пребывания в доме. "Я знаю друг, дорога не длинна и скоро тело брренное устанет". Из глаз у меня закапали слезы. Я не мог понять и принять Его замысла и, как маленький ребенок, которому родители запрещают играть на стройке, плакал не понимая их тревоги. Слезы были признаком моей беспомощности и слабости перед миром и судьбой. Я не успел толком узнать Федора, но неведомое сочленение эмоций говорило мне, что он бы мог стать мне другом и мне было горько за него и за себя.

Вот снова пятница и все собрались в большом зале. Людмила Петровна взяла гитару. Она была – маленькая полная старушка с обвисшими щеками. Есть те – у кого к старости щеки впадают, а есть те – у кого обвисают. Она принадлежала ко второй категории стариков. Дружный коллектив сидел в два полукруга. Заиграла гитара, и старики запели. Каждый пел как мог. Пусть неумело, пусть хрипло, но искренне. Они любили эти песни. В незамысловатые мелодии было вплетено много личного, сокровенного – того, что ярко запечатлелось в их памяти. Собственно, эти глубоко внутренние и невысказанные чувства и воспоминания и являлись неким связующим звеном для поющих. Большинство стариков лишились почти всех зубов, но, это не мешало им получать радость от сопричастности к общему звуку. Никто не стеснялся и не халтурил – это было их время, это была их моло-

дость и, возможно, их любовь. Неутоленная, девственная – первая любовь. Существует мнение – что один лишь тонкий запах или легкий привкус может воскресить в человеке целый сонм образов прошлого, возродить те моменты, в которых он был лишь незначительным мотивом происходящего. Как, все таки, сладко может быть это самое печенье Мадлен. Для стариков – это была песня. Когда они пели, их глаза становились особенно добрыми, было совершенно невозможно нарушить этот момент всеобщего единения.

У Людмилы Петровны случилась беда, ее племянник попал в автокатастрофу. Полуночный звонок не предвещал ничего хорошего. Я взял трубку. Говорила дочь старушки.

– Здравствуйте, можете позвать Людмилу Петровну.

– Здравствуйте. Она уже спит. Можете передать мне, что случилось?

На конце трубки замешкались.

– Наверно так будет даже лучше. Я, я дочь Людмилы Петровны. Мой сын попал в аварию. Если можете – передайте ей утром, что, если она захочет, пусть приезжает в городскую больницу №1. Я приехать не могу. У меня... У меня... Скажите ей – что я не хотела, чтобы все так получилось. Она была права, во многом права. Я хотела...

На том конце трубки замолчали. Я подождал некоторое время.

– Девушка – вы здесь?

Я уже хотел повесить трубку, когда на том конце провода

опомнились.

– Да, я здесь. Передайте ей то, что я сказала. Спасибо. Прощайте.

Я сказал, что обязательно все передам.

На утро я, первым делом, отправился к Людмиле Петровне. Она уже успела позавтракать и в общем зале читала книгу у окна. Я сел рядом. В общем зале было тихо. До ужаса тихо. Окно было открыто. Легкий ветер едва-едва шевелил распускающиеся цветы. Людмила Петровна не отводила глаз от книги. Прошло достаточно времени, чтобы я успел заметить – она не перелистывает страницы. Дальнейшее молчание не имело смысла. Да и, собственно, любая попытка подать невеселую новость в каком либо ином цвете, нежели тот цвет, который был ей изначально присущ, была бы тщетной.

– Здравствуйте.

Она аккуратно сложила книгу и положила ее на подоконник.

– Здравствуйте Сергей. Какое прекрасное утро. С годами – даже самые незначительные изменения вокруг приобретают иной контраст. В молодости, на общем ярком фоне, краски сливаются. Сейчас фон поблек. Зато стали видны штрихи.

Я ждал, когда она отведет от меня взгляд. Лишь на мгновение, чтобы я смог начать. И вот – она опустила глаза в пол. Надо было решиться.

– Я пришел передать вам – ваш племянник попал в аварию.

Она посмотрела на меня, потом часто заморгала и снова отвела взгляд. Будто бы про себя она прошептала – Как? Затем зажмурившись, спросила – Он жив?

– Да, он в больнице. Звонила ваша дочь – просила передать, что если вы хотите его видеть...

Вдруг, будто бы очнувшись, она перебила меня.

– Конечно, конечно, я сейчас, я быстро соберусь.

– Я поеду с вами.

– Спасибо. Я сейчас, я быстро.

Она пошла собираться. Выехали мы в десять часов. Дорога была не близкой, нужно было пересечь практически весь город. Практически всю дорогу она молчала, не решаясь что-либо спросить. Лишь изредка поворачивала голову в мою сторону, но потом смущенно опускала взгляд.

– Она что-либо еще сказала?

– Да, что вы были во многом правы.

– И все?

– Да, больше ничего. Далее она лишь попрощалась.

По состоянию Людмилы Петровны было видно огромное желание мне обо всем рассказать, но оно боролось в ней с чувством страха за жизнь своего племянника. С чувством неизвестности и глубокого смятения. У нее дрожали руки, но она не плакала. На Людмилу Петровну было тяжело смотреть. Мучительное ожидание тянулось крайне долго. Момент застыл, покрывшись льдом внутренней беспомощности. Я практически не двигался и старался более не смотреть

в сторону Людмилы Петровны. Наконец, мы приехали. Было невыносимо тяжело сломать общее оцепенение. Это помог сделать водитель. Он обернулся к нам.

– Приехали.

Я рассчитался с ним, и мы вышли. Больница была старая, кругом на нас смотрели острые морщины облупившейся краски. Ступеньки крыльца давно поросли мхом. Окна, особенно на первом этаже, были мутными, едва пропуская солнечный свет. Многие из них были забиты или заклеены. Во дворе был стойкий запах плесени. Внутреннее убранство больницы соответствовало ее внешнему виду. Было довольно-таки темно и сыро. Половина лампочек на потолке не горела. Линолеум был весь в стальных заплатах, но и они не могли нивелировать крайнюю степень его изношенности. В коридоре пусто, по краям коридора, рядом с забитыми окнами, стояли каталки. Среди общего запустения гордо возвышался новенький красный аппарат по продаже прохладительных напитков. Мы прошли вглубь коридора, к посту медицинской сестры. Девушка была довольно приветливой и симпатичной. Невысокого роста, но с большой грудью. Халат был явно не предназначен для таких форм. По манере ее речи было заметно, что большим интеллектом девушка не обладает, либо просто ведет себя слишком непосредственно. Здесь это было даже лучше. Зато, наверняка, она умела сопереживать и поддерживать. Пусть даже простым и банальным, но добрым словом. Мне кажется – будь в мире боль-

ше таких людей, он был бы проще и понятней. Хотя, может из таких добрых и отзывчивых девушек в ходе неизбежной эволюции вырастают форменные стервы. Она проводила нас к палате. Пока мы шли – она все время говорила, говорила как персонал, по мере возможности, заботится о поступивших пациентах, говорила о случаях чудесного исцеления больных, говорила о человеческих недугах и благодетелях. Вошли в палату. Племянник Людмилы Петровны спал. Медсестра объяснила, что он после операции и будет спать еще около восьми часов.

– Как только врач появится – я его позову и он вам все обязательно расскажет.

Сестра ушла. Старушка села рядом с кроватью.

– Посидите со мной, пожалуйста. Одной мне будет тяжело.

Я сел на противоположную кровать. Она была не застелена. Рядом с кроватью находилась тумбочка – на которой лежал один апельсин. Все вокруг было серым и поблекшим и посреди всего этого оранжевая клякса. Все лицо у племянника старушки было перебинтовано, остальное закрывало одеяло. Визуально было невозможно понять тяжесть его травм. Людмила Петровна плакала. Без всхлипов и вздохов. Слезы просто капали из ее глаз. Она что-то говорила про себя – совсем шепотом. Можно было разобрать лишь отдельные слова. В окно билась полуживая муха, затем делала неуверенный оборот и снова втыкалась в мутную плоскость. Пахло

хлоркой.

Людмила Петровна попросила меня подойти. Когда я приблизился к ней – она взяла меня за руку.

– Береги себя Сергей и держись за тех, кто с тобой рядом. И, если требуется, сделать шаг на встречу ближнему – сделай его первым.

Я молча кивал, не находя никаких слов в ответ. Она отпустила мою руку.

– Сергей, ты наверно иди. А я побуду здесь.

– Как же вы вернетесь обратно?

– Ты иди и дай сестре свой телефон. Завтра я позвоню – ты приедешь и меня заберешь. Ты ведь такой хороший.

Я посмотрел на Людмилу Петровну. Лучше было оставить ее одну здесь. Я вышел в коридор. Показалась – что за моей спиной послышался приглушенный всхлип. Я не стал поворачиваться. Выйдя в коридор я отправился на пост. Сестра, заслышав шаги, подняла на меня взгляд и улыбнулась.

– Уходите?

– Да, Людмила Петровна остается с племянником на ночь. Завтра я за ней приеду.

Сестра провела рукой по волосам и поправила воротник халата.

– А вы кем приходитесь бабушке?

– Я друг семьи.

– Хотите пироженку?

Сестра, продолжая смотреть на меня, поставила блюдце с

пирожным на край стола.

– Я знаю, что нельзя есть много пирожных, но очень уж вкусно. Насмотришься тут всякого и начинаешь думать, а вдруг больше никогда и не попробуешь такой вкуснятины. После таких мыслей становится не так страшно за фигуру.

– Не беспокойтесь у вас все в порядке с фигурой.

– Думаете? Вы то вон какой стройный, а у меня склонность к полноте.

– Это не самая плохая из склонностей.

Она улыбнулась и провела рукой по столу, будто стряхивая с него невидимые крошки, а затем снова посмотрела на меня.

– Наверно.

– Можно мне номер вашего телефона? Завтра я позвоню и приеду за Людмилой Петровной.

Она оторвала листок от блокнота, записала телефон и протянула его мне.

– Мобильный?

– Ой, я написала свой телефон... Просто я сегодня и завтра дежурю, вдруг меня не будет на вахте, а так всегда дозвонитесь. Сейчас напишу телефон отделения.

Получив телефон я вежливо попрощался с сестрой и направился к автомату с газировкой. Черт, это все не должно так просто закончиться...

На улице лил дождь. Я смотрел очередной видеоурок по

игре на гитаре. Известный гитарист рассказывал – какие слайды существуют на данный момент и какие подручные средства, заменяющие их, он использовал при игре на гитаре в юности. В перерывах он, естественно, играл. За хорошее гитарное соло человеку можно простить многое, а уж если он сам его придумал – то и вовсе. Мелодика плавно переходила в агрессивную ритмику и затем сменялась чем то похожим на гитарный эмбиент. Далее он начал рассказывать – с чего начать игру на гитаре с использованием слайда и тут в дверь постучали. В комнату вошла старушка.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте.

– Это вы были со мной, когда я упала и ударилась?

Я улыбнулся. Прошло уже два месяца. Должно быть старушка только-только оправилась после травмы.

– Да, я.

Она подошла ко мне и робко протянула кулек.

– Вот возьмите, это вам.

Я взял кулек, там были конфеты.

– Спасибо, не стоило...

Она опустила глаза.

– Дай Бог вам здоровья.

Я молча кивнул. Дверь закрылась, в комнате снова остался один я, держащий в руках кулек конфет под звуки очередного гитарного соло.

Михаил Федорович

Михаил Федорович прожил яркую жизнь. Он бы заядлым картежником балагуром и авантюристом. Сегодня слово авантюрист утратило свою частоту употребления. Сейчас в обиходе гораздо чаще можно встретить понятия сродни: мошенник, аферист. Былая романтика, присущая семантики слова авантюрист, исчезла с приходом нового времени. Герой Адриано Чилентано из фильма "Блеф" или Остап Бендер сегодня видятся скорее карикатурными мифическими персонажами. Михаил Федорович постоянно встревал в какие-то неприятности: частенько ввязывался в драки, участвовал в сомнительных спорах и пари, влезал в дела высокопоставленных лиц. В общем – развлекал себя как мог. Однажды на спор он полез к любимой девушке на балкон по водосточной трубе на четвертый этаж. Но, так как он предварительно, усердно готовился к восхождению с бутылкой коньяка – его восхождение не увенчалось успехом. Он смог добраться до третьего этажа и с грохотом свалился вниз. Результатам падения стал открытый перелом ноги. Михаил Федорович хвастался перед новыми постояльцами дома своим шрамом и самодельной татуировкой – якорной цепью, которую он, поверх него, самолично набил. В юности, собственно, как и сейчас, он любил выпить, меры не знал и постоянно надирался до чертей. Несмотря на его врожденную индиф-

ферентность к карьере, успеху и богатству Михаила Федоровича временами посещали грандиозные идеи. То он хотел устроиться матросом на рыболовное судно на камчатке, то, вместе с товарищами, выкупить бакалейную лавку и переоборудовать ее под баню. Был в жизни Михаила Федоровича период, что он, полностью разочаровавшись в земных радостях, ушел в монастырь. Но и там он долго не продолжался. Через пол года, набив морду настоятелю, Михаил Федорович благополучно пустился в новые дали. Девушки его любили, может быть потому, что он был благосклонен абсолютно ко всем представительницам противоположного пола. Для него одинаковый вес имели и красавицы и страшненькие – ему было все равно. На удивленные восклицания своих товарищей, он, по обыкновению, отвечал – в причинном месте у всех все одно. Большинство из его романов были мимолетными увлечениями, хотя, одна из девушек искренне полюбила его и, когда судьба развела их пути, еще долго продолжала писать ему письма. Эти письма – были единственным, что он принес с собой в дом из прошлой жизни.

Вот и кончилось лето. Погода, нехотя, хмурилась. Днем все было еще ничего, а по утрам уже холодало, на окнах выступал иней, сад медленно пустел, закрывая свои щедрые объятия на новые несколько сезонов. На заднем дворе за домом я перекапывал землю для саженцев на будущий сезон. Пахло свежескошенной травой и прелой листвой, – медлен-

но томящейся на костре. На грядках орудовали старики, выдергивая отцветшие помидоры. Чуть поодаль от меня Михаил Федорович собирал упавшие яблоки. Говорят, из них он готовил отменную брагу. Добрые яблоки постояльцы не разрешали пускать на дары Диониса и потому он спасался упавшими плодами, многие из которых были сильно побиты или переспели. У забора Светлана Константиновна боролась с зарослями сорняков. Время близилось к полудню. Сырая перекопанная земля напоминала мелкую черную икру. Среди крупных, слипшихся комков икринок извивался разрубленный червь. Нечего – с ним все будет хорошо. Разрез проходил чуть ниже пояса, а значит червь сможет отрастить себе новый хвост. После нескольких часов работы на лбу выступила легкая испарина, ладони блестят – будучи многократно отполированы черенком лопаты, дыхание тяжелое – но воздух чист и свеж. За спиной, сначала смутно, потом более явственно слышится крик. Сфокусировав внимание на нем, я слышу: "Пойдем играть в карты". Оборачиваюсь – это новый постоялец дома, – Алексей Максимович. Он продолжает кричать и махать нам рукой.

– Всего не сработаете, пойдем играть в карты.

Втыкаю лопату в землю и, приняв любезное приглашение, иду мыть руки. Зайдя в общую комнату и увидев массивный стол, в очередной раз на лице у меня возникает улыбка. Играть вчетвером: я, Алексей Максимович, Михаил Федорович и, ко всеобщему удивлению, – Николай Николаевич.

Играли не в банального дурака, а в тысячу. Михаил Федорович, будто бывалый крупье, раскидал карты. Игра началась.

Алексею Максимовичу выпало сидеть на прикупе – не самая интересная доля. Так как я сидел по левую руку от сдающего начинать выпало мне. Золотой кон я благополучно слил не набрав даже ста очков. У меня был крестовый марьяж и мне даже удалось его захвалить но, после того, как я с гордостью сказал "Папа" Михаил Федорович покрыл его крестовой десяткой. Следующим ходом он захвалил пиковый марьяж и мои надежды на сто двадцать пять заявленных очков быстро развеялись. В результате – на первом коне я улетел в глубокий минус. После меня на золотой кон встал Николай Николаевич – он заявился аж на сто сорок очков. Как оказалось позднее – у него был червовый марьяж и всего один пиковый туз. Первую взятку он, естественно забрал и захвалил свой марьяж. Прикуп с "хваленкой" достался мне. К сожалению, "хвалить" в ответ мне было нечего, зато у меня были крестовый туз и десятка. Забрав свои прикупы, остальные карты мне пришлось отдать. Стали считать очки. У Николая Николаевича набралось ровно сто сорок очков.

Поглаживая свой пиковый туз он стал самодовольно приговаривать:

– Да, бывает, что мне везет до неприличия.

Михаил Федорович громко усмехнулся.

– Развеж это везение. Вот я припоминаю лет тридцать на-

зад работали мы с мужиками на лесопилке в пятистах километрах от города. Как назло – никаких поселений рядом не было И не уедешь никуда, бригадир заметит и поперет в зашей. На весь многочисленный мужской коллектив всего три женщины. Причем одна из них – бухгалтерша, жена бригадира, другая семидесятилетняя врачиха, – оба варианта железно отпадали. И только третий вариант был доступен всем – это повариха Славка. Так и варились мы в этом котле вместе на протяжении долгих месяцев. Скажем так – питание было скудным и с той и с этой стороны. Благо – хоть Славка понимала наше бедственное положение и старалась войти в него. Мы даже вели график еженедельных посещений нашей спасительницы. Само собой все выглядело чинно и благородно – дабы у нее всегда присутствовала иллюзия, что она всего лишь выбирает себе лучшего кавалера и, со временем, прекратит все амурные метания. И тут у Славки, ко всеобщей радости, нашли триппер. Толи кто с "большой земли" после отпуска привез, толи ветром надуло, – не суть. Что тут началось! Половина бригады слегла в лазарет, оставшиеся, находясь в состоянии крайнего невроза, также начали находить у себя злосчастные симптомы болезни и постепенно уезжали в город для полной диагностики. Как потом оказалось – самовнушение. Бригадир каждый день прибегал с красной мордой, со словами: "Еще один свалился, вашу же мать!". Пилорама встала, кругом паника. Руководство гневается. А мне хоть бы хны. До сих пор не понимаю – как так получи-

лось? Спросите меня – грешен ли? Отвечу – а как же. Только на доблестную служительницу Асклепия намекать не стоит. Все нормально – я как все. А ты говоришь везение.

Все сдавлено засмеялись. Даже Николай Николаевич. Приятно было видеть на его изможденном и угрюмом лице искреннюю улыбку.

Игра продолжилась в более непринужденном ключе. Тысяча и одно очко в итоге набрал Алексей Максимович – и вправду везунчик.

Михаил Федорович с досадой махнул рукой.

– Вы посмотрите на него – шулер чистой воды. А я то думал – порядочный человек!

Алексей Максимович пожал плечами.

– Опыт.

Михаил Федорович угрюмо посмотрел на листок с записями.

– Да, у кого опыт, а у кого три болта... Ну ничего, сейчас новую партейку распишем, уж там посмотрим – кто кого.

Алексей Максимович кивнул, но решил не торопить начало следующей партии, достав носовой платок и тщательно протирая стекла очков.

– Я в вашем доме гость новый, расскажите, – как вам здесь живется?

Михаил Федорович оскалил щербатую улыбку.

– Живем, не в чем себе не отказываем: завтрак, обед, ужин, культурные программы, лечебная физкультура. Не

жизнь а сказка. Если бы в молодости за мной так ухаживали, я бы столь сильно не поистаскался. А теперь еще и мебель новая, – Михаил Федорович похлопал меня по плечу, – Серега нас обеспечил.

– А как у вас с посещениями?

– Да навещаются временами родственнички к постояльцам: посидят, послушают и уйдут.

– Не знаете, где можно узнать про график посещений?

Михаил Федорович насупился, практически вплотную прижав верхнюю губу к носу, будто от кислой сливы.

– Почему мне знать?

– Неужели к вам никто не приходит?

– Нет. Мне и одному хорошо. Зато не обременяю никого. У Коляна вон полон огород родственников, а ходят редко. Внучка, если не ошибаюсь, заглядывает.

Николай Николаевич задумчиво и тихо, словно вспоминая, ответил:

– Внучка. Хорошая она у меня, на программиста учится. Нынче голову надо светлую иметь, чтобы человеком стать. Тяжело, но куда деваться.

Алексей Максимович, скрупулезно осматривая на свету стекла очков, не соглашался.

– Не скажите, в наше время светлый ум требовался ничуть не меньше, а может даже и более, но в том, что нашим детям и внукам тяжелее, чем нам это вы верно заметили. Мой старший сын получил два образования, восемь лет работал в ка-

честве рядового сотрудника, прежде чем ему удалось устроиться на высокооплачиваемую и престижную работу. Сейчас он уехал в Америку и у него все прекрасно, но что ему пришлось пройти, чтобы заработать это благополучие! Фотографии мне шлет с супругой и двумя детьми. Большую часть жизни мне казалось, что пресловутая американская мечта – это лишь расхожее выражение и не более того. Теперь, когда я смотрю на фотографии своего сына, присланные из-за океана – я понимаю смысл фразы "Возможность для каждого по способностям или достижениям".

Николай Николаевич молча слушал своего собеседника и перебирал карты в руках. И, как бы про себя отвечал, смотря в сторону от нас.

– Да, я всегда внучке говорил, – учись. Пусть ты будешь образованнее нас.

– Пока есть силы и желание, надо пополнять свой багаж знаний и умений. А то кинешься не вовремя, спохватишься – а поезд то уже ушел. И память не та и рвение не то, да и груз взрослой жизни обязывает. Но ничего – мой сын все это прекрасно понимает. Внуки из кружков не вылазят, свободного времени совсем нет. Жалуются – тяжело нам дедушка! А я говорю – зато потом легко будет, еще спасибо скажете.

Михаил Федорович, потупив взор, медленно собирал карты. Вложив их в пачку он дважды стукнул ей по столу, резко встал и хриплым, сдавленным голосом сказал:

– Ладно товарищи, спасибо за игру.

Алексей Максимович огорченно хмыкнул.

– А чего так? Ведь хорошо сидим, до вечера еще далеко.

Михаил Федорович положил колоду карт на стол и, как мне показалось, несколько раздраженно ответил:

Нет, не могу, меня яблоки ждут.

После того, как Михаил Федорович удалился, мы сыграли еще одну партию . Когда я шел забирать лопату с заднего двора, боковым зрением я заметил около яблони стоящее ведро. Оно было наполнено битыми яблоками, его так никто и не забрал.

На пороге

Я встретил старого друга, звали его Петр. Он пригласил меня к себе. Жил Петр в загородном доме. Его дом оказался очень светлым, окон было множество, свет лился практически из каждого угла. Это было прекрасное ощущение отсутствия стен, как будто ты находишься под стеклянным куполом, но при желании можешь скрыться от назойливых взглядов. Как выяснилось позже – мой давний друг стал известным в определенных кругах архитектором. Видимо проект его собственного дома входил в перечень проектов, которыми он мог гордиться. Строгие линии перемежались с плавными переходами. Нельзя сказать, что архитектура принадлежала к какому-то стилю, да я, собственно, ничего не понимал в этих стилях, но мне очень понравилось. У него была приветливая жена, довольно полненькая, но очень симпатичная. Детей у них не было, но, как я узнал позднее из беседы, они оба очень хотели детей. Супруга Петра накрыла богатый стол. Ассортимент и общий объем выставленных блюд явно превышал возможности желудков трех человек, одна из которых девушка. Такое пиршество вводило в некоторое замешательство – ведь мы случайно встретились и Петр предупредил свою супругу о пришествии гостей лишь за пол часа до оного. Вряд ли за пол часа она смогла бы приготовить такое количество разнообразных блюд. Впрочем, я был дей-

ствительно голоден и мы, без лишних прелюдий, приступили к трапезе. Петр начал рассказывать мне о своей жизни. Оказывается за восемь лет, как мы не виделись, он успел побывать в двадцати странах, выучить два языка и получить степень кандидата наук. Петр был очень рад нашей встрече. Он, в отличие от меня, ел мало и, будто бы как на ребенка смотрел на меня и радовался моему аппетиту. После краткого рассказа о своей жизни он обратился ко мне:

– Давай Серега – теперь ты расскажи, как живешь.

Меня всегда пугали вопросы подобного рода. Ответ – нормально означал, что тебе либо не хочется отвечать, либо тебе нечего сказать. Да и как я жил? Кажется, Чехов уже придумал самый точный ответ. Нет, не стоит умничать...

– Как живу? Да нормально.

Видимо Петр перехватил мою мысль о бессодержательности данного ответа.

Нет, нормально – это несущественно. Нельзя жить нормально.

– А как можно жить?

– Как чувствуешь, так и говори.

– Я, я учусь, работаю, иногда играю на гитаре. Как то так. Живу пока с родителями.

Беседы подобного характера зачастую предполагали обращение к общей памяти собеседников, обращении к темам, что были знакомы тем мальчишкам, которые обрели вместе счастье дружбы, счастье единомыслия. Петр же не спешил

ворочать память о былом. Его больше интересовало – как я жил в пресловутом сейчас.

– Где работаешь?

Несколько замешкавшись, я решил, все же, сказать правду.

– Я работаю в доме престарелых.

Петр многозначительно хмыкнул, опустив взгляд.

– Кем?

– Можно сказать – разнорабочим.

Супруга Петра, все это время сидевшая молча, улыбнулась и решила разбавить общую неловкость, воцарившуюся за столом.

– А девушка у вас есть?

– Есть... Точнее – мы расстались. Так что теперь нет.

Супруга Петра не стала спрашивать меня – почему мы расстались. Она лишь сказала, что я обязательно найду себе ту – расставание с которой будет немислимым. Петр сходил на кухню за вином. После нескольких рюмок беседа стала более непринужденной. Как такое простое сочетание химических веществ, в данном случае являющееся продуктом брожения обычного винограда, с невероятной легкостью переключает человека в несвойственный ему режим. Впрочем, переключать требовалось меня. Мои собеседники изначально умели существовать в обоих режимах без дополнительного катализатора.

Леонид рассказал мне – где они, прошлой зимой, побы-

вали с супругой. В ноябре прошлого года, после успешного завершения Петром одного из проектов, они уехали в Непал. Изначально, они планировали обычный туризм, но затем, по обоюдному согласию, решили покорить одну из близлежащих вершин. Набрать команду было не сложно. Местные жители, за определенную плату, добродушно согласились составить супругам компанию. Профессиональных гидов нанимать не стали. Со слов Петра, так было гораздо интереснее и предполагало более живое общение при восхождении. Вершина была не из простых, но Петр с супругой любили трудности и любили риск. Леонид в красках описывал каждый пройденный ими километр.

– Знаешь, под конец казалось, что мы погорячились с выбором для первого восхождения подобной вершины, но тем больше в нас загорался азарт и желание сделать это. Последний километр я плохо помню. Из-за кислородного голодания голова постоянно кружилась, не скажу, что местным было легко, но внешних проявлений данного синдрома я не отмечал. В итоге – новый год мы встретили уже спускаясь с горы. Подобные вылазки из собственного ареала бытности многое дают, как для тела, так и для разума.

Петр отечески похлопал меня по плечу.

– А ты где успел побывать?

– Я был там же. Недолгий период – пару дней, с родителями. Но, я лишь смотрел на вершину снизу вверх. Красиво – нечего сказать. Снежный исполин покрытый туманной дым-

кой. Будто сама природа смотрит тебе в глаза всем своим величием. Знаешь, бывает – ты пытаешься поймать незримую эфирную суть, какую то основу происходящего, чтобы уже никогда ее не отпускать и идти с ней вместе туда, куда она укажет путь. Подняться я не решился, да и не с кем было это сделать. Через два дня мы уехали.

Петр внимательно выслушал меня.

– И как успехи в поисках сути?

– Пока все тщетно...

Петр переглянулся с супругой и они едва заметно улыбнулись. Дабы не пускаться в еще более глубокие рассуждения – я решил переместить акцент беседы с моих личных демонов на жизнь Петра.

– Как же ты смог столь прекрасно устроить все в своей жизни?

Петр сделал серьезное лицо, повел взглядом, но затем абсолютно ясными глазами посмотрел на меня.

– Это все труд и стремление. Если долгое время усердно работать, не думая о победах и поражениях, в какой-то момент ты удивишься тому результату, которого удалось достичь. Самое главное – не пребывать в этом состоянии эйфории. Отметил для себя некоторую референтную точку и двинулся дальше.

Я сидел и жевал мясной стейк. С годами во мне сформировалась гадкая привычка – находить загвоздки даже в самых радостных и прекрасных моментах жизни. Я не мог

в полную силу порадоваться нашей встрече. Я смотрел на его успехи, на его дом, на его прекрасную жену и думал – ведь сколько не старайся, сколько не тянись к свету, все это пройдет и человек никогда в полной мере не сможет вкушать жизнь. Никогда не сможет напиться ею до конца. Он всегда будет "не до". Конечно – путь самосовершенствования и путь самопостижения – это прекрасно, но, сколько бы не был умен и мудр человек – он все потеряет и не оставит за чертой ничего. Я улыбнулся и отложил вилку.

– А ты когда-нибудь думал, что все это закончится?

Он осекся. Посмотрел на меня, потом на супругу, сложил руки домиком у подбородка и задумчиво закусил губу.

– Думал. Но ведь я же здесь – значит на это была воля кого то, кто выше меня. В те редкие минуты когда я об этом думаю – я останавливаюсь здесь.

Я хмыкнул.

– А как думаешь – что дальше?

– В смысле?

– Ну, что за последней чертой, что нас ждет?

Обычно люди не вели со мной такие беседы и просто уходили от разговора. Но Петр, будучи обогащен златом академических знаний и активной жизненной позицией был не из таких. Мне это очень нравилось в нем. Он не обижался, не смущался, или не демонстрировал этого, а старался вести живой диалог. Старался понять меня и старался, чтобы я его понял. В первых же его словах веяла твердая уверенность в

будущем.

– Я думаю, что за последней чертой меня ждет освобождение от предрассудков, освобождение от всего тяжкого и бесполезного, но с сохранением моего собственного я.

– А если там ничего?

– Как это?

– Вечное забвение. А жизнь – это не воля высших сил, а просто закон природы, у которой нет ни замысла, ни цели. Просто закон развития. Например – гравитация – она такая потому, что наш физический мир таков. Она без причины – это просто закон.

Петр встал и распахнул окно. Подуло свежим апрельским воздухом. Он жадно вдохнул его. Он ничего мне не отвечал, а просто смотрел в синеющую даль – потом подозвал меня.

– Посмотри как хмурится небо, наверно скоро пойдет дождь.

Возможно он тогда понимал и знал гораздо больше, чем я. Взмахнул сильный ветер. Сверкнуло, затем грянул раскатистый удар грома. Новый шквал принес уже первые следы капель. Хлынул ливень. Несмотря на это Петр не стал закрывать окна. Он стоял подставив ладони дождю.

– Милая, иди ко мне.

Супруга подошла к нему, и он обнял ее. Они стояли, обнявшись под струями дождя. Чуть поодаль за этим наблюдал я. Она была такая же свободная как и он, такая же, черт возьми. Сад шумел всем своим нарядным убранством. Круп-

ные и частые капли прыгали по дорожкам, по скамьям творя свое безудержное веселье. Нахлынувшая тьма делала сад таинственным и зловещим. Такие моменты никогда не длятся долго. Эти моменты лишь вспышки, которые оставляют на памяти неизгладимый след. Но дождь не кончился и его безумие кружилось вокруг дома. Петр поцеловал жену. Она еще крепче прижалась к нему. Возможно в этом и есть загадка и смысл. Единство двух людей на лоне таинственной и девственной природы. Крупные капли попали мне в глаза, и пока я протирал их Светлана пропала из моего поля зрения. Петр повернулся ко мне.

– Хочешь сыграть в настольный теннис?

Не то чтобы я хорошо владел ракеткой, или обладал быстрой реакцией, но мне стало интересно. Я согласился. Мы спустились на цокольный этаж, где был оборудован практически полноценный спортивный зал: в левом углу турник и жимовая скамья, рядом беговая дорожка. В противоположном углу диван, аккуратно застеленный покрывалом. Ничего лишнего – чистый минимализм. Но, признаюсь, настолько вкусного минимализма я давно не встречал. В центре помещения располагался теннисный стол – играй хоть дни напролет. За окнами холод и слякоть а здесь тепло, Федор тронул сенсорный выключатель на стене, а теперь и светло! Подавал он. Шарик стремительно ударился о стол и перелетел через сетку, я даже не успел поведи рукой. Так произошло и во второй и в третий раз. Мне уже начало казаться – от та-

кой игры я не получу особого удовольствия. Но постепенно я начал ловить ритм. Иногда удавалось даже на десять ударов держать шарик на столе. Несмотря на соотношение побед и поражений далеко не в мою пользу мне стало крайне интересно, появился азарт. Петр будто специально гонял меня по разным краям стола, я же старался как можно сильнее ответить ему. Один раз мне удалось очень удачно и сильно попасть по шарiku и он отлетев от стола попал Петру прямо в лоб. Шарик был не тяжелый, удар был не болезненным и эпизод стал скорее забавным, нежели обидным. Он погрозил мне пальцем. Ну держись! Игра пошла еще веселее. Шарик заметался по столу. Петр поймал меня резким диагональным ударом и я, вы пылу сражения, забыв о чувстве самосохранения, героически потянулся за шариком, опорная нога предательски поехала и я растянулся на полу. Петр спешно подбежал ко мне. Когда он увидел улыбку на моем лице он тоже улыбнулся. Через секунду мы расхохотались. Я лежал на полу и смеялся как ребенок. Тем временем он изображал мое нелепое лицо и отчаянный жест в попытке дотянуться до шарика. Это был прекрасный день. Петр ответил мне на все без ответа.

Людмила Петровна умерла и на гитаре стал играть я. Что бы не случилось – шоу должно продолжаться. На смену старым актерам придут новые, затем другие. Никто не попросит сыграть на бис и только цветы на сцене напомнят нам о

былом. Она всегда играла по своему – просто и легко. Она будто не отвлекалась на аккорды и пела в полный голос. А пела она хорошо – звонко и красиво, я так не умею.

Время неумолимо двигалось вперед. Я сдал последний экзамен. Впереди оставалась лишь защита диплома. Период моего пребывания в этом странном месте подходил к концу. Что я чувствовал в преддверии моего прощания с домом? Не могу сказать... С одной стороны я крайне сроднился со стариками, с другой – меня невероятно угнетал этот храм покоя и тишины. Человек невольно привыкает к любому месту в котором он находится достаточно длительное время. Оно становится ему родным, знакомым и даже если пребывание в данном месте вызывает уныние, то прощание с ним рождает неоднозначное чувство конечности, чувство фрагментарности жизни. Целый пласт прожитого остается в этих стенах. Возможно, прощальное щемящее чувство – это тоска по прожитой жизни, по тому безвозвратному отрезку времени, который уже не вернуть. Я решил, чтобы заранее не волновать стариков, не рассказывать им о своем отъезде до поры до времени. Наступила пятница мая. Последняя пятница в доме. В углу, прислоненная к старой коробке из-под телевизора, стояла гитара. Наверняка еще первые постояльцы этого дома брали на ней незамысловатые аккорды. Место, где локоть прислоняется к нижней деке было сильно потерто. Полировка слезла и виднелись жилы поблекшего дерева. Гриф был весь в узорах из многочисленных трещин. Но, она

все же издавала звуки, звуки способные затронуть человеческую радость и печаль. Сколько еще данному инструменту суждено прожить? Наверняка, он переживет многих из постояльцев этого дома. Вечерело. В комнате было довольно душно. Я снял кофту. По полу что-то стукнуло. Я перевел взгляд вниз. Сначала я подумал, что это высыпалась мелочь из нагрудного кармана. Хотя, мелочь вряд ли могла издать такой звук. Для более детального рассмотрения пришлось нагнуться. И точно – у самой ножки кровати лежала маленькая деревянная фигурка. Это был бюст при беглом взгляде напомилавший индейца, при более тщательном рассмотрении он даже чем то напоминал меня.

Под вечер наступало чувство слияния общего внутреннего настроения с внешним покоем. Свет, -он вечно играл, резвился и звал тебя за собой, всеми бликами и переливами гляся о биении жизни. Вечер же приводил твои мысли к умиротворению, к чувству утомленности дня. Будто бы пережить день являлось своего рода подвигом. Звуки становились чуть отчетливее и ярче. И все сокрытое, несмелое, строптивное, что таилось в тебе, занавешенное светом дня, вдруг оживало и обнажало свои еле слышные голоса. Возможно – это была песня, а возможно просто шепот былого сливающегося с грядущим. Старый сад притих. Безветренно. Что может быть лучше для прощания?

Снова полукруг. Все расселись по своим местам. Кто не хотел петь – расположились на дальнем диване, чтобы про-

сто послушать. Чтобы не оставаться в одиночестве в своей комнате. Приходили все. Я видел их добрые и немного печальные лица. Должно быть – добро не дается просто так. Если бы глаза можно было читать, как газетные статьи – они многое могли бы поведать, объяснить. Про эту жизнь и вечное стремление: стремление дышать, любить, бежать за горизонт, где тебя конечно же ждут, будто ты последний человек на земле. На всю оставшуюся жизнь я запомнил этот вечер, как я играл для них – а они пели, они пели.